VOL. XVII

PHILOLOGIA CLASSICA ET HISTORIA ANTIQVA

ARISTEAS

ΛΟΓΟΣ

In aedibus Academiae Pozharskianae

MOSQVAE

MMXVIII

ТОМ XVII

ВЕСТНИК КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

АРИСТЕЙ

Университет Дмитрия Пожарского

МОСКВА

2018

ISSN: 2220-9050

Журнал издается Университетом Дмитрия Пожарского

Журнал реферируется Российским индексом научного цитирования (РИНЦ)

Международный редакционный совет:

А. Аврам (университет Ле Мана, Франция), М. фон Альбрехт (Гейдельбергский университет, Германия), Н.В. Брагинская (НИУ ВШЭ, Москва), С. Браунд (Университет Британской Колумбии, Ванкувер, Канада), А.Ю. Виноградов (НИУ ВШЭ, Москва), А.В. Коптев (университет Тампере, Финляндия), А.Е. Кузнецов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), К.Г. Красухин (ИЯ РАН, Москва), В.Ф. Новодранова (МГМСУ им. А.И. Евдокимова, Москва), С.Ю. Сапрыкин (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИВИ РАН, Москва), О.В. Сидорович (НИУ ВШЭ, Москва), И.Е. Суриков (ИВИ РАН, Москва), М. Финкельберг (Тель-Авивский университет, Израиль), Г.Р. Цецхладзе (Оксфордский университет, Великобритания), Ю.А. Шичалин (ПСТГУ, Москва)

International editorial council

Alexandru Avram (Le Mans Université, France), Michael von Albrecht (Universität Heidelberg, Germany), Nina Braginskaya (RSUH, HSE, Moscow), Susanna Braund (University of British Columbia, Vancouver, Canada), Andrey Vinogradov (HSE, Moscow), Alexander Koptev (University of Tampere, Finland), Alexander Kuznetsov (Lomonosov MSU, Moscow), Konstantin Krasukhin (Iling of RAS, Moscow), Valentina Novodranova (Evdokimov MSMSU, Moscow), Sergey Saprykin (Lomonosov MSU, IWH of RAS, Moscow), Olga Sidorovitch (HSE, Moscow), Igor Surikov (IWH of RAS; Moscow), Margalit Finkelberg (Tel Aviv University, Israel), Gocha Tsetskhladze (Linacre College, University of Oxford, Great Britain), Yuri Shichalin (Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities, Moscow)

Редакционная коллегия

А.В. Подосинов (главный редактор; ИВИ РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова), А.В. Белоусов (заместитель главного редактора; МГУ им. М.В. Ломоносова; ИВКА РГГУ), С.А. Степанцов (заместитель главного редактора; МГУ им. М.В. Ломоносова; ИВИ РАН), Г.С. Беликов (ответственный секретарь; МГУ им. М.В. Ломоносова); И.А. Макаров (ИВИ РАН; ИВКА РГГУ), А.В. Мосолкин (МГУ им. М.В. Ломоносова), Б.М. Никольский (ШАГИ РАНХиГС; РГГУ), В.В. Файер (НИУ ВШЭ), М.В. Шумилин (ШАГИ РАНХиГС; ИВКА РГГУ), Е.А. Щербакова (ШАГИ РАНХиГС)

Editorial board:

Alexander Podossinov (Editor-in-Chief; IWH of RAS; Lomonosov MSU, Moscow), Alexey Belousov (assistant Editor-in-Chief; Lomonosov MSU, RSUH, Moscow), Sergey Stepantsov (assistant Editor-in-Chief; Lomonosov MSU, IWH of RAS, Moscow), Grigory Belikov (executive secretary; Lomonosov MSU, Moscow), Igor Makarov (IWH of RAS, RSUH, Moscow), Alexey Mosolkin (Lomonosov MSU, Moscow), Boris Nikolsky (RSUH, RANEPA, Moscow), Vladimir Fayer (HSE, Moscow), Mikhail Shumilin (RSUH, RANEPA, Moscow), Elisaveta Sherbakova (RANEPA, Moscow)

На первой странице обложки – *Аполлон и Артемида совершают жертвоприношение на алтаре Зевса.* Краснофигурная гидрия. Аттика. Ок. 490–480 до н.э. Вена, Kunsthistorisches Museum AKG47311.

Сайт: www.publisher.usdp.ru/aristeas
E-mail: aristeas.classics@gmail.com
Информационная поддержка: www.librarius.narod.ru

© Редколлегия журнала, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© А.В. Белоусова, дизайн и верстка, 2018
© Университет Дмитрия Пожарского, 2018
© Русский фонд содействия образованию и науке, 2018

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

LECTORI BENEVOLO SALUTEM!

Том, который ты держишь в руках, дорогой читатель, в оформлении многих элементов и деталей отличается от предыдущих. Мы перешли на новую систему информации о наших авторах, по-другому оформляем библиографию и указание литературы в сносках, увеличили объем резюме, пригласили в состав редсовета несколько известных зарубежных ученых, расширили редколлегию, приняв в ее состав известного российского филолога-классика, д.ф.н. Бориса Никольского. Все эти изменения вызваны нашим желанием повысить рейтинг журнала, соответствовать требованиям, предъявляемым журналам международного уровня. В конце тома публикуются новые правила оформления рукописей, следовать которым мы призываем наших авторов.

Латинский текст, которым начинается том, принадлежит перу выдающегося московского латиниста Николая Алексеевича Федорова. Этот доклад, посвященный истории изучения латинского языка в России, был прочитан им в 2007 г. в Италии.

В четырех статьях, следующих далее, речь идет об образе Владыки/Владычицы коней в древнегреческом искусстве (С.А. Зинченко), о значении слова sentinaculum в прозе Павлина Ноланского (датский антиковед Тённес Беккер-Нильсен), о взаимоотношениях раннехристианских мучеников и языческой власти (Е.М. Розенблюм), наконец, о сущности Сократа и сократизма вообще и об образе Сократа в современной науке и культуре в частности (Д.В. Панченко).

Традиционный критический обзор публикаций по античной эпиграфике Северного Причерноморья, вышедших в 2016 г., написан А.В. Белоусовым в соавторстве с Л.Г. Елисеевой.

Е.В. Приходько продолжает публикацию итогов своих научных путешествий по малоизвестным уголкам Малой Азии, имеющих целью описание и изучение античных памятников. На этот раз публикуется материал о Коридаллах – древнем городе на южном побережье античной Ликии.

Раздел *Miscellanea* представлен тремя небольшими заметками, посвященными Катуллу (М.В. Шумилин), Птолемею (Д.В. Щеглов) и Варрону (Н.В. Драчёва). Несмотря на небольшой объем этих заметок, каждая из них вносит свой особый вклад в рассматриваемые в них проблемы.

В.В. Файер в разделе «Судьбы классического наследия в последующих веках» рассматривает особенности современных переводов Катулла на русский язык.

В этом номере «Аристея» мы публикуем также материалы двух конференций, прошедших в Москве в 2017 году.

Первая конференция, организованная кафедрой древних языков истфака МГУ, была посвящена проблемам преподавания древних языков на исторических факультетах вузов России и проходила 14 апреля 2017 г. на истфаке МГУ им. М.В. Ломоносова. В ней приняли участие руководители соответствующих кафедр и преподаватели из нескольких ведущих вузов Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода и Саратова. Их выступления (всего восемь), показывающие ситуацию в этой области образования (чаще неутешительную), публикуются в «Аристее».

Вторая конференция, в которой «Аристей» участвовал в качестве одного из организаторов, проходила 14 ноября 2017 г. под эгидой Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» в рамках международного научного цикла «XX век: культура и время» и называлась «Свидетель века: К 95-летию А.А. Тахо-Годи». Доклады, как понятно из названия, были посвящены патриарху отечественной классической филологии, Азе Алибековне Тахо-Годи и ее мужу, замечательному русскому философу А.Ф. Лосеву. Статьями немецкого ученого Х. Кусе и московского классициста Н.К. Малинаускене мы начинаем публикацию материалов этой конференции.

В разделе *Personalia* помещено эмоциональное «Слово о Людмиле Павловне Поняевой», преподавателе кафедры классической филологии филологического факультета МГУ, в связи с ее юбилеем. Большинство московских филологов-классиков прошли через строгую школу Людмилы Павловны. Я тоже был одним из них и хотел бы пожелать ей здоровья, сил, благополучия и радости от ее учеников.

В заключение я вынужден с прискорбием сообщить о безвременной кончине 23 февраля 2018 г. (род. 19 декабря 1957 г.) одного из талантливейших антиковедов нашей страны, большого друга журнала «Аристей» и моего друга, Сергея Ремировича Тохтасьева, работавшего в секторе Древнего Востока Института восточных рукописей РАН в Петербурге. Он блестяще проявил себя во многих научных сферах – был выдающимся востоковедом, владевшим многими древними языками, историком, филологом, лингвистом, археологом, эпиграфистом, и в каждой научной дисциплине ему не было равных. Сергей, не терпевший компромиссов, олицетворял собой совесть нашей науки. В предыдущем томе «Аристея» была опубликована его

статья (вероятно, последняя), которую он еще успел увидеть напечатанной. Кончина С.Р. Тохтасьева – это невосполнимая потеря для отечественной и мировой исторической науки. Редколлегия скорбит о его уходе от нас. Мир праху его и вечная память!

Сергей Ремирович Тохтасьев
(19 декабря 1957 г. – 23 февраля 2018 г.).

Москва, 25 апреля 2018 г.

Главный редактор журнала
А.В. Подосинов

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора 5

Содержание. 8

Contents 11

Латынь сегодня

Nicolaus Fedorov
De statu et studio Latinitatis in Russia 14

Статьи

С.А. Зинченко
Образ Πότνιος/Πότνια Ἵππιος («Владыки/Владычицы коней») в искусстве Древней Греции VIII–VI вв. до н. э.: проблема выявления и особенности функционирования 22

T. Bekker-Nielsen
Sentinaculum: A *hapax* in Paulinus of Nola, *Letter* 49. 49

Е.М. Розенблюм
Эволюция отношения раннехристианских мучеников к языческой власти. 58

Д.В. Панченко
Сократ в «Хулио Хуренито» Ильи Эренбурга и др.
(Публикация самиздатской статьи 1980 года с послесловием о Платоне, Бахтине и о том, каков был Сократ на самом деле) 70

Epigraphica Pontica

А.В. Белоусов, Л.Г. Елисеева
Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2016 г. 93

Путешествие в неизвестную античность

Е.В. Приходько
Плач по Коридаллам. Часть 1. Современники о городе: люди и события. 138

Miscellanea

М.В. Шумилин
Cat. 64.122 177

Д.А. Щеглов
Широта Ормузского пролива в «Географии» Птолемея 185

Н.В. Драчёва
Понятие effinitus в лингвистической доктрине Варрона 192

Классическое наследие

В.В. Файер
«Dono lepidum novum libellum»:
о современных переводах из Катулла и Горация 196

Д.А. Литвинов
Переводы из Катулла 214

Преподавание древних языков

Материалы конференции, посвященной преподаванию древних языков
на исторических факультетах российских вузов 220

Н.Н. Казанский
Древние языки как основа высшего гуманитарного образования 222

А.В. Подосинов
Актуальные проблемы преподавания древних языков
на исторических факультетах российских университетов 226

А.В. Белоусов
Как и для чего учить историка древним языкам:
некоторые размышления о профессиональной квалификации
будущих историков – антиковедов и медиевистов 233

Е.В. Илюшечкина
Древние языки в программе историков Российской академии
народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) 240

В.В. Файер
Преподавание латыни в Школе лингвистики НИУ ВШЭ 245

В.Г. Мостовая
Проблемы преподавания древних языков студентам кафедры
истории древнего мира ИВКА РГГУ 249

Э.Д. Фролов, О.Ю. Климов
Преподавание древних языков на кафедре истории Древней Греции
и Рима Института истории СПбГУ 251

А.В. Махлаюк
Опыт и проблемы преподавания древних языков в Нижегородском
государственном университете им. Н.И. Лобачевского 258

Резолюция по итогам работы конференции и предложения об улучшении преподавания древних языков в вузах России 264

Свидетель века

Материалы международной конференции «Свидетель века: к 95-летию А.А. Тахо-Годи» 266

Х. Куссе
Николай Кузанский, Лосев, Витгенштейн: О языке философии 268

Н.К. Малинаускене
В диалоге с учителем 281

Personalia

Н.К. Малинаускене
Слово о Людмиле Павловне Поняевой 295

Сокращения 304

Правила оформления присылаемых статей. 306

CONTENTS

Foreword of Editor-in-Chief 5

Contents 11

Latin today

Nicolaus Fedorov
De statu et studio Latinitatis in Russia 14

Articles

S.A. Zinchenko
Image Πότνιος/Πότνια Ἵππιος in the art of Ancient Greece in 8-6 centuries BC: the problems of identifying and functioning 22

T. Bekker-Nielsen
Sentinaculum: A *hapax* in Paulinus of Nola, *Letter* 49 49

E.M. Rosenblum
Evolution of the attitude of early Christian martyrs towards the pagan authorities 58

D.V. Panchenko
Socrates in Ilya Ehrenburg's Julio Jurenito and elsewhere. (Publication of a samizdat paper with an afterword on Plato, Mikhail Bakhtin and the true character of Socrates) 70

Epigraphica Pontica

A.V. Belousov, L.G. Eliseeva
The Greek and Latin inscriptions of Ancient North Black Sea Region. 2016 year 93

Travels in the Unknown Antiquity

E.V. Prikhodko
Lament for Korydalla. Part 1. Contemporaries about the city: people and events 138

Miscellanea

M.V. Shumilin
Cat. 64.122 177

D.A. Shcheglov
The latitude of the Strait of Hormuz in Ptolemy's Geography 185

N.V. Drachiova
The concept of *effinitus* in Varro's linguistic doctrine 192

Classical Tradition

V.V. Fayer
«Dono lepidum novum libellum»: contemporary Russian translations of Catullus and Horace 196

D.A. Litvinov
Translations of Catullus 214

Teaching ancient languages

Materials of the conference "Actual problems of teaching ancient languages" 220

N.N. Kazansky
Ancient languages as the foundation of higher education in humanities 222

A.V. Podossinov
Actual problems of teaching ancient languages in faculties of history of Russian universities 226

A.V. Belousov
How to teach historians ancient languages: some thougts on the level of proficiency of future specialists in Ancient World and Medieval Age 233

E.V. Iluschechkina
Ancient languages in the curriculum of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration 240

V.V. Fayer
Teaching ancient languages at the School of Linguistics of the National Research University Higher School of Economics 245

V.G. Mostovaya
Problems of teaching ancient languages to students of the Department of Ancient History at the Institute of Oriental and Classical Studies, RSUH 249

E.D. Frolov, O.Y. Klimov
Teaching ancient languages at the Departement of Ancient Greece and Rome in the Institute of History at St Petersburg State University 251

A.V. Machlayuk
Experience and problems in teaching ancient languages at Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod 258

Resolution and proposals of the conference 264

Testis saeculi

Materials of the international conference "Testis saeculi: to the 95 anniversary of A.A.Tacho-Godi" 266

H.Kuße
Nicholas of Cusa, Losev and Wittgenstein: On the language of philosophy 268

N.K. Malinauskene
In dialogue with the teacher 281

Personalia

N.K. Malinauskene
Some Words to the jubilee of Lyudmila Pavlovna Ponyayeva 295

Abbreviations 304

Information for authors 306

АРИСТЕЙ XVII (2018)
С. 138–176

ПУТЕШЕСТВИЯ В НЕИЗВЕСТНУЮ АНТИЧНОСТЬ

Е.В. Приходько

ПЛАЧ ПО КОРИДАЛЛАМ
Часть 1. Современники о городе: люди и события

Приходько, Елена Владимировна
кандидат филологических наук
доцент кафедры древних языков
исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, дом 1, ГСП-1, 119991 МГУ
E-mail: aristonica@list.ru

Аннотация: Эта статья является первой частью работы о Коридаллах, древнем городе, расположенном на южном побережье Ликии. Коридаллы занимали два небольших холма на равнине Кумлуджи в 6 км от моря. В этом городе встречались дороги, ведущие в разные части Ликии и в соседние области – Писидию и Памфилию. Такое географическое положение способствовало развитию города в античное время, но оно же стало и причиной полного уничтожения руин города в последние столетия. Поскольку в Коридаллах никогда не проводились археологические раскопки, автор поставил перед собой задачу собрать и проанализировать всю доступную информацию об этом городе, которую можно почерпнуть из других источников, таких как произведения античных писателей и документы византийского времени, отчеканенные в городе монеты и, в первую очередь, надписи, найденные как в самих Коридаллах, так и в других городах Ликии, среди этих надписей – знаменитая надпись Опрамоя из Родиаполя и *Stadiasmus Patarensis.* Также автор рассматривает надписи, сделанные на предметах из так называемого Сионского клада – клада церковной серебряной утвари VI в., который был найден в Коридаллах в 1963 г. Хотя Гекатей Милетский назвал Коридаллы городом родосцев, автор показывает, что Коридаллы были настоящим ликийским городом и позже стали законным членом Ликийского союза и имели свой монетный двор, где

чеканились серебряные драхмы, первый образец которых был найден и описан два года назад.

Ключевые слова: Ликия, Коридаллы, Ликийский союз, древний город, древнегреческая надпись, Опрамой, скальные гробницы, Сионский клад, Кумлуджа

На юго-востоке полуострова Ликия между отрогами гор и морским побережьем лежит равнина, образованная за миллионы лет наносами двух рек, текущих с севера с гор на юг к морю. Их современные названия Алакыр Чайы и Айкыр Чайы, а в древности они, возможно, назывались Лимир и Ариканд[1]. Почти в центре этой равнины вырос за последние десятилетия из небольшой деревни город Кумлуджа. Его северо-западные границы практически вплотную подошли к деревне Хаджывелилер, рядом с которой еще лет 70 назад можно было увидеть руины древнего ликийского города Коридаллы. Но устоявшие перед всеразрушающей силой времени и пережившие не одно землетрясение и не одно нашествие неприятелей крепость, театр и другие постройки Коридалл в середине XX в. пали жертвой человеческого варварства и невежества, алчности и лени, равнодушия и попустительства. Сегодня Коридаллы, точнее место, где когда-то существовал этот город, не вызовет интереса у туристов. Но давайте посмотрим на него более проницательным взглядом научного исследования и в память о столь нелепо уничтоженном городе соберем вместе всё то немногое, что еще хранит свидетельства о Коридаллах.

«Коридаллы – город родосцев»

Шоссе, ведущее из Антальи в Кумлуджу, сначала направляется на юг вдоль восточного побережья Ликии, а затем, миновав Тахталы Даг, поворачивает сначала на юго-запад, потом на запад и начинает спускаться на равнину Кумлуджи. Пока дорога находится еще достаточно высоко, с нее открывается красивый вид на всю лежащую внизу равнину и на мощную стену гор, поднимающуюся у ее западной границы. Если более пристально посмотреть на саму равнину, то на расстоянии шести километров от моря можно увидеть два невысоких вытянутых холма, расположившихся почти в ряд один за другим в на-

[1] Вопрос об античном названии этих рек не имеет однозначного ответа. Barrington Atlas 2000: 1001, например, ссылаясь на мнение Бина, признает, что Алакыр Чайы в древности назывался Лимиром, и с ним согласны Bryce 1986: XVI и Colvin 2004: 50. Однако сам Бин допускал разные варианты решения этого вопроса (Bean 1978: 142–143), а Keen 1998: 16, n. 23 и Brandt, Kolb 2005: 17 вообще высказываются против подобной идентификации.

правлении с севера-востока на юго-запад. Общая протяженность этих холмов составляет около 700 м. Высота северного холма достигает 55 м над уровнем моря, а южного – 42 м. Именно на этих холмах и в седловине между ними некогда существовал город Коридаллы (*рис. 1*).

Название города τὰ Κορύδαλλα Л. Згуста считает греческим и связывает его происхождение со словом ὁ κορυδός – «хохлатый жаворонок», производными которого, причем с тем же самым значением, являются ὁ κορυδαλ(λ)ός, ἡ κορυδαλή, ἡ κορυδαλλίς[2], а также ὁ Κορυδαλλός – название дема в Аттике.

В каком веке и каким народом были основаны Коридаллы, доподлинно неизвестно. Равнина Кумлуджи занимает выгодное географическое положение – здесь сходятся дороги, ведущие на северо-восток в Анталью, на север в долину Алакыр Чайы, на северо-запад в Элмалы и на запад в Демре, Каш и Фетхие. Первые поселения могли возникнуть здесь уже в III тысячелетии до н. э. У мыса Улубурун и мыса Хелидоний были найдены обломки кораблей, датируемые соответственно XIV и XII вв. до н. э., а значит, на южном побережье Ликии уже тогда должны были существовать города с гаванями[3]. Как бы то ни было, но к концу VI в. до н. э. Коридаллы представляли собой уже вполне сформировавшийся город, о котором даже счел необходимым упомянуть в своем «Землеописании» Гекатей Милетский (ок. 550 – ок. 490 гг. до н. э.): «Коридаллы – город родосцев» (FGrHist 1 F 246). Высказывание Гекатея было повторено грамматиком II в. н. э. Элием Геродианом в работе «О всеобщей просодии» (Vol. 3.1. p. 381 Lentz), а еще позже Стефаном Византийским (527–565) в «Этника», причем с небольшим добавлением: «Коридаллы – город родосцев. [Написал] Гекатей в «Азии». Народ коридаллийцы» (p. 376 Meineke).

Свидетельство Гекатея побудило некоторых ученых признать, что Коридаллы были основаны родосцами и, следовательно, не могут считаться исконно ликийским городом. Так, Э. Кин утверждает, что равнина Алакыр Чайы в античное время активно заселялась родосцами, и расположенные здесь города – Родиаполь, Коридаллы, Гаги, а также лежащая на восточном побережье Ликии Фаселида – были колониями Родоса[4]. Т. Брайс и Дж. Бин также полагают, что отдельные города восточной Ликии могли быть родосскими колониями, но называют только Фаселиду[5]. Бин рассматривает историю основания Родиаполя и Гаг как мифологическую, и лишь Фаселида, с его точки зрения,

[2] Zgusta 1984: 282, § 591; Hellenkemper, Hild 2004: 655. В обеих работах опровергается попытка объяснить происхождение этого названия как ликийского, предпринятая Sundwall 1913: 67, 124.

[3] Изучению кораблей, потерпевших кораблекрушение у мыса Улубурун и мыса Хелидоний, посвящено много работ Джорджа Басса.

[4] Keen 1998: 16–17.

[5] Bryce 1986: 38–39.

Рис. 1
Вид на холмы Коридалл из Родиаполя, с северо-запада. Фото автора

определенно была основана родосцами. Кроме того, он готов даже допустить, что, описывая Коридаллы как «город родосцев», Гекатей мог иметь в виду просто жителей соседнего Родиаполя[6], и эту мысль поддерживает и Н. Чевик[7].

Фаселида, как сообщает «Хроника» Иеронима, была основана в 691/690 г. до н. э., и, согласно античной традиции, основателями города, действительно, были не ликийцы, а эллины. Афиней в «Пире мудрецов» сохранил для нас рассказ историка III в. до н. э. Филостефана Киренского, который в первой книге своего труда «О городах Азии» писал, что Фаселида была основана неким Лакием, то ли аргивянином, то ли жителем родосского города Линда, братом Антифема, основателя Гелы. Этот Лакий был спутником Мопса, и Мопс во исполнение какого-то пророчества своей матери Манто отправил его основать новый город. Земля, где ныне находится Фаселида, принадлежала тогда некоему Килабру, у которого Лакий выкупил ее, расплатившись соленой рыбой, и поэтому жители Фаселиды, почитая Килабра как героя, ежегодно приносят ему в жертву соленую рыбу (VII. 51 (297 f – 298 a) = FHG III 29 Fr. 1). Об основании

[6] Bean 1978: 146.
[7] Çevik 2008: 37; Çevik 2015: 418.

Фаселиды Лакием повествовал в «Колофонских летописях» также и историк Геропиф (его тоже процитировал Афиней): Лакий купил землю у пастуха Килабра, предложив ему на выбор в качестве платы ячменную крупу или соленую рыбу, и Килабр выбрал рыбу (VII. 51 (297 e–f) = FHG IV 428–429 Fr. 1). А Элий Геродиан и Стефан Византийский приводят отрывок из первой книги труда «О Фаселиде» историка Аристенета, где рассказывается, что братья Лакий и Антифем пришли в Дельфы вопросить оракул, но Пифия, ничего не ответив на их вопросы, приказала Лакию плыть на восход солнца, а рассмеявшемуся Антифему – на заход солнца, дабы основать город Гелу (Vol. 3.1. p. 353 Lentz и p. 201 Meineke = FHG IV 319).

Название ближайшего соседа Коридалл города Родиаполя (ἡ Ῥοδιάπολις или Ῥοδία) традиционно переводится как «Город родосцев», но даже его происхождение может быть подвергнуто сомнению, если учесть свидетельство историка Феопомпа, согласно которому город Родия в Ликии был назван в честь Роды, одной из дочерей Мопса (FGrHist 115 F 103). Что же касается города Гаги (αἱ Γάγαι), то при упоминании о его родосских основателях ссылаются обычно на *Etymologicum Magnum,* где рассказывается о том, что родосцы, прося у ликийцев место для поселения, кричали: «Γᾶ γᾶ», – «Земля, земля», – используя по обычаю дорийский диалект. Или что Немий, стратег родосцев, победив на море ликийских и киликийских пиратов, ночью был настигнут бурей, и моряки, видя корабль в опасности, воскликнули на дорийском диалекте: «Γᾶ γᾶ», – и после этого возгласа пристали к берегу и спаслись; с наступлением же дня они основали на этом месте город и назвали его по произнесенному слову Гаги (219, s.v. Γάγαι). Однако и сам *Etymologicum Magnum*, и до него историк Александр Полигистор (I в. до н. э.) (FGrHist 273 F 65), которого цитировали Геродиан (Vol. 3.1. p. 309 Lentz) и Стефан Византийский (p. 192 Meineke), представляют Гаги «городом Ликии».

И все же полноправный член Ликийского союза

Даже если Коридаллы были основаны родосцами, город, скорее всего, постепенно перенял особенности ликийской культуры – ведь всего в 10 км к западу лежал большой ликийский город Лимиры, – среди его жителей становилось все больше и больше ликийцев, и в дальнейшем Коридаллы всегда считались одним из городов Ликии, городом с реальным ликийским населением[8]. В нашем распоряжении есть как минимум два доказательства правильности этого утверждения. Это, во-первых, надпись-билингва на древнегреческом и ликийском языках и, во-вторых, монета из Коридалл времени

[8] Bean 1978: 146; 1976.

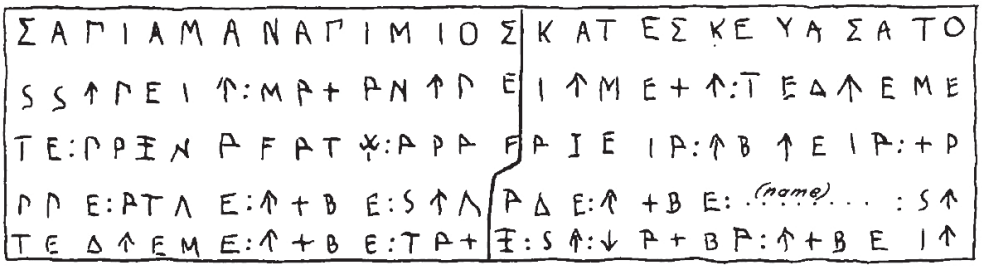


Рис. 2
Копия надписи-билингвы, сделанная Тричем. Tritsch 1976: 159

Ликийского союза – монеты такого типа чеканились только в ликийских городах-членах союза.

Каменный блок с надписью на двух языках был обнаружен летом 1952 г. Францем Йозефом Тричем в тогда еще маленькой деревне Кумлудже, куда он, по мнению Трича, был привезен из ближайшего древнего города, то есть из Коридалл. Через полгода Трич опубликовал в *Illustrated London News* (21.03.1953) предварительное сообщение об этой находке, а полноценное издание надписи с реконструкцией испорченных мест из-за сложностей с интерпретацией всего текста в целом было отложено более чем на двадцать лет[9]. Надпись была вырезана на большом каменном блоке длиной 0,77 м, высотой 0,5 м и толщиной 0,41 м с хорошо отполированной поверхностью, а сам блок был встроен в переднюю стену дома Абдуллаха Сахуна – в 1952 г. этот дом стоял на главной улице Кумлуджи. Надпись состояла из пяти строк, первая из которых была написана на древнегреческом языке, а четыре последующих – на ликийском (*рис. 2*). Тщательно вырезанные буквы имели в высоту 3 см, расстояние между греческой и первой ликийской строкой равнялось 8 см, а между ликийскими строками – 4 см. Но самой примечательной особенностью этой надписи было то, что она была написана стойхедоном – каждая строка состояла из одинакового количества букв (28 по реконструкции Трича), и все буквы были выровнены относительно друг друга как по горизонтали, так и по вертикали[10]. Трич особо подчеркивал, что стойхедон, да еще такой красивый, был для Ликии большой редкостью[11]. По форме букв надпись датировалась IV в. до н. э.

Текст надписи Трич перевел следующим образом: греческий: «Сапий, сын Манапимиса, воздвиг», ликийский: «Sepie, сын Mahanepiyemi, воздвиг этот ге-

[9] Tritsch 1976. См. также SEG 26: 1434.
[10] Tritsch 1976: 158–160.
[11] Tritsch 1976: 164.

роон для себя самого, и для своей жены (имя), и для своего сына Tahñ, и для своих внуков»[12]. Как видим, по размеру ликийский текст превалирует над греческим, имена, которые Трич смог разобрать, явно неэллинские, и, возможно, эта надпись могла бы дать и еще какую-либо информацию при работе с ней других исследователей, но в Кумлудже на месте старых деревенских домов выросли современные многоэтажки, и о дальнейшей судьбе этой самой древней надписи из Коридалл ничего не известно, она считается утраченной. Турецкий профессор Н. Чевик и вслед за ним Э. Йазыджы полагают, что существование надписи на ликийском языке наводит на мысль о том, что Коридаллы возникли на месте более раннего ликийского поселения[13].

Когда в 168/167 гг. до н. э. Рим даровал Ликии независимость от Родоса (*Polyb.* XXX. 5. 12; *Liv.* XLIV. 15), ликийцы уже имели внутреннюю политическую организацию под названием τὸ κοινὸν τῶν Λυκίων – Ликийский союз[14], которая и стала главным органом управления в стране. Ликийский союз объединял 23 города (*Strab.* XIV. 3. 3), и многие из них чеканили серебряные и бронзовые монеты с легендой ΛΥΚΙΩΝ – «ликийцев». Основной монетой, выпускаемой сразу после обретения свободы, была серебряная драхма с изображением головы Аполлона в лавровом венке, обращенной вправо, на аверсе и с изображением кифары и надписью союзного этникона над ней в углублении в виде квадрата (quadratum incusum) на реверсе. По обеим сторонам кифары на каждой монете имеется по букве, которые вместе образуют первый слог названия города, где была отчеканена эта монета[15]. Х. Трокселл в изданном в 1982 г. собрании монет Ликийского союза перечисляет 17 городов, в которых имелся свой монетный двор и с 167 по 84–81 гг. до н. э. чеканились серебряные драхмы: Антифелл, Кадианды, Кандибы (этот город автор дает под вопросом), Кианеи, Гаги, Лимиры, Миры, Олимп, Патары, Фаселида, Фелл, Пинары, Родиаполь, Сидимы, Тлос, Требенды и Ксанф[16]. Как видим, Коридаллы в этом списке отсутствуют, хотя все их ближайшие соседи – и Родиаполь, и Лимиры, и Гаги – в нем представлены.

На эту странность обратил внимание Р. Берхальд, полагавший, что в Коридаллах должен был существовать свой монетный двор[17]. Но уже через пятнадцать лет в распоряжении Classical Numismatic Group появилась ликийская монета с первыми двумя буквами выпустившего ее города K – O (*рис. 3*). По-

[12] Tritsch 1976: 159.
[13] Çevik 2008: 37; 2015: 418; Yazıcı 2012: 308.
[14] Впервые Ликийский союз упоминается в надписи 182/180 г. до н. э. (OGIS 99). См.: Brandt, Kolb 2005: 21.
[15] Troxell 1982: 27.
[16] Troxell 1982: 25–98.
[17] Behrwald 2000: 175, Anm. 70.

Рис. 3
Серебряная драхма из Коридалл II в. до н. э.
Ströhmann 2016: 4

скольку у Трокселла Коридаллы не значились как город, чеканивший союзные монеты, новая монета сначала была признана подделкой. Но 2 февраля 2016 г. на заседании нумизматического общества Бремена выступил с докладом Хайко Стрёманн, доказывающий, что данная монета действительно была отчеканена в Коридаллах и что, следовательно, там функционировал свой монетный двор[18]. Стрёманн обратил внимание на то, что между монетами западной и восточной Ликии, разделенных высокой горной грядой, всегда наблюдаются некоторые различия, позволяющие точно определить, из какой части Ликии происходит та или иная монета. Вес, размер и иконография рассматриваемой монеты соответствуют, по мнению Стрёманна, другим союзным монетам, а в изображении Аполлона просматривается заметное сходство с изображениями на монетах из центральной и восточной Ликии. Но самое важное – это имеющийся на монете символ в виде короны Исиды, расположенный слева от кифары. Точно такой же символ присутствует на монетах семи монетных дворов центральной и восточной Ликии: Фелла, Кианей, Аперл, Мир, Требенд, Олимпа и Фаселиды, – и везде он расположен слева от кифары.

Если признать правомерность аргументов Стрёманна, мы получаем доказательство не только того, что Коридаллы чеканили во II в. до н. э. серебряные монеты, но и того, что они были полноправным членом Ликийского союза и, значит, признавались настоящим ликийским городом.

Т. Спратт и Э. Форбс пишут о том, что на одной греческой надписи из некрополя Лимир Коридаллы, Родиаполь и Гаги были упомянуты так, как если бы они образовывали внутри Ликийского союза симполитию[19] – подобно тому как, например, образовывали симполитию Акалисс, Идебесс и Кормы, имевшие в Ликийском союзе вместе один избирательный голос. Однако о симполитии Акалисса, Идебесса и Корм – а эти города были значительно меньше Коридалл и Родиаполя – сообщается в надписях. Например, надпись на одном постаменте в Идебессе гласит: «Марка Антония Гордиана, спасителя мира, [почтил] народ идебессцев управляющий в союзе (συνπολειτευόμενος) с ака-

[18] Ströhmann 2016.
[19] Spratt, Forbes 1847: I 182.

лиссцами и кормейцами» (TAM II.3. 830). Кроме того, если несколько городов объединялись в симполитию, то у жителей всех этих городов было одно гражданство – так, в симполитии Акалисса, Идебесса и Корм главным городом считался Акалисс, и поэтому идебессцы неоднократно называют себя в надписях Ἀκαλισσεὺς ἀπὸ Ἰδεβησσοῦ – «акалиссец из Идебесса»[20]. Однако подобных надписей о Коридаллах, Родиаполе и Гагах в нашем распоряжении нет. Напротив, один и тот же человек мог быть назван и гражданином Коридалл, и гражданином Родиаполя: Ὀπραμόας Ἀπολλωνίου δὶς τοῦ Καλλιάδου Ῥοδιαπολείτης καὶ Κορυδαλλεὺς καὶ Μυρεὺς καὶ Παταρεύς, – «Опрамой, сын Аполлония второго, правнук Каллиада, родиаполец, и коридаллиец, и мирянин, и патарец» (TAM II.3. 905. VIII. 17–20), – а это свидетельствует о том, что у каждого города было свое отдельное гражданство.

Какую надпись из некрополя Лимир имели в виду Спратт и Форбс, сказать сейчас трудно. Во втором томе своего труда, где были опубликованы отдельные надписи, подтверждающие правильность идентификации руин того или иного города, Спратт и Форбс об этой надписи больше не упоминают[21]. А все рабочие тетради Дэниэлла с копиями древнегреческих надписей, как известно, они отдали для издания в Британский музей египтологу Самуэлю Бёрчу, но Бёрч, судя по всему, нарушил существовавшую договоренность: тетради не только не были изданы, но вообще бесследно исчезли. Надписи из Лимир вместе с надписями из Мир и Кианей должны были составить четвертый фасцикул второго тома *Tituli Asiae Minoris*, который был подготовлен Густавом Марешем, но до сих пор так и не опубликован и хранится в Комиссии по Малой Азии Австрийской Академии наук. Поэтому узнать, если ли там копия упоминаемой Спраттом и Форбсом надписи, не представляется возможным. В собрании же погребальных надписей из Лимир Михаэля Вёррле нет ни одной надписи с упоминанием вместе Коридалл, Родиаполя и Гаг[22].

Сомнения относительно существования симполитии Коридалл, Родиаполя и Гаг были высказаны еще Э. Калинкой[23], но некоторые ученые продолжают поддерживать это предположение[24], а Чевик даже утверждает, что главным городом этой симполитии являлись именно Коридаллы, хотя по размерам они и не были самым большим городом из этих трех городов[25].

---

[20] TAM II.3. 836, 837, 844, 846, 847, 849, 852, 853, 854, 859, 867, 870, 875. Об объединении в симполитии других маленьких ликийских городов см., например, Magie 1950: 1378, n. 24.

[21] Spratt, Forbes 1847: II 274–279.

[22] Wörrle 2012.

[23] TAM II.3. p. 326.

[24] Yazıcı 2012: 308.

[25] Çevik 2008: 37; 2015: 418.

Редкие упоминания в литературе: у географов и в итинерариях

В произведениях античной литературы Коридаллы встречаются крайне редко. Город не был связан с мифологической историей региона и не прославился ни произошедшими в нем важными событиями, ни особым почитанием какого-либо божества или открытым для всех нуждающихся в помощи прорицалищем. Как правило, о Коридаллах упоминают античные географы при описании городов Ликии. Плиний Старший, перечисляя города Ликии в направлении с востока на запад, некоторые города упускает, но Коридаллы все же называет: «На горах расположены Гаги, Коридаллы, Родиаполь» (NH V, 100). Клавдий Птолемей включает Коридаллы вместе с Сагалассом, Родией (т. е. Родиаполем), Требендами, Феллом, Мирами и Лимирами в список городов, расположенных у горы Масикит (V. 3. 6). В представлении автора схолий к «Описанию Ойкумены» Дионисия Периэгета Коридаллы превратились в один из Хелидонских (Ласточкиных) островов, а само название города утратило одну лямбду и поменяло средний род на женский: ἕως Χελιδονίων Παμφυλίας. Τρεῖς δέ εἰσιν αὗται, Μελανίππη, Γάγαι καὶ Κορύδαλαι – «вплоть до Хелидонских островов Памфилии. А их три – Меланиппа[26], Гаги и Коридаллы» (128).

Византийский географ Гиерокл в *Synecdemus* (ок. 530 г.) составляет список из 34 городов позднеантичной провинции Ликии, куда включает и Коридаллы (683. 3а). В «Космографии» Равеннского Анонима (ок. 700 г.) Коридаллы названы дважды после Фаселиды и перед Лимирами, причем сначала как Coridalion (II. 18), а потом как Coridarium (V. 8), и этой же традиции следует в «Географии» Гвидон Равеннский, представляя название города как Coridalion и размещая его после Фаселиды и перед Лимирами (96). Коридаллы обозначены и на Певтингеровой карте: дорога, идущая по южному побережью Ликии, ведет от Патар в Антифелл, из Антифелла через 53 мили достигает Коридалл и через 29 миль после них приходит в Фаселиду[27] (IX. 2 Weber)[28] (*рис. 4*). Правда, Патары и Фаселида отмечены двумя домиками, то есть составитель карты считал их городами, а Коридаллам и Антифеллу оставлена роль обычных станций. Но, с другой стороны, остальные, даже более крупные, города Ликии на этой карте вообще отсутствуют.

[26] Меланиппа – это деревня, лежащая к востоку от Гаг.

[27] Точность этих данных достойна удивления: 53 мили составляют около 78,5 км, а расстояние между Кашем (современное название Антифелла) и Коридаллами по современной, более извилистой, дороге 88,5 км; 29 миль – около 43 км, а расстояние от Коридалл до Фаселиды по современной дороге 41,5 км. См. также: Şahin, Adak 2007: 267.

[28] См. также: Miller 1916: 707–708.

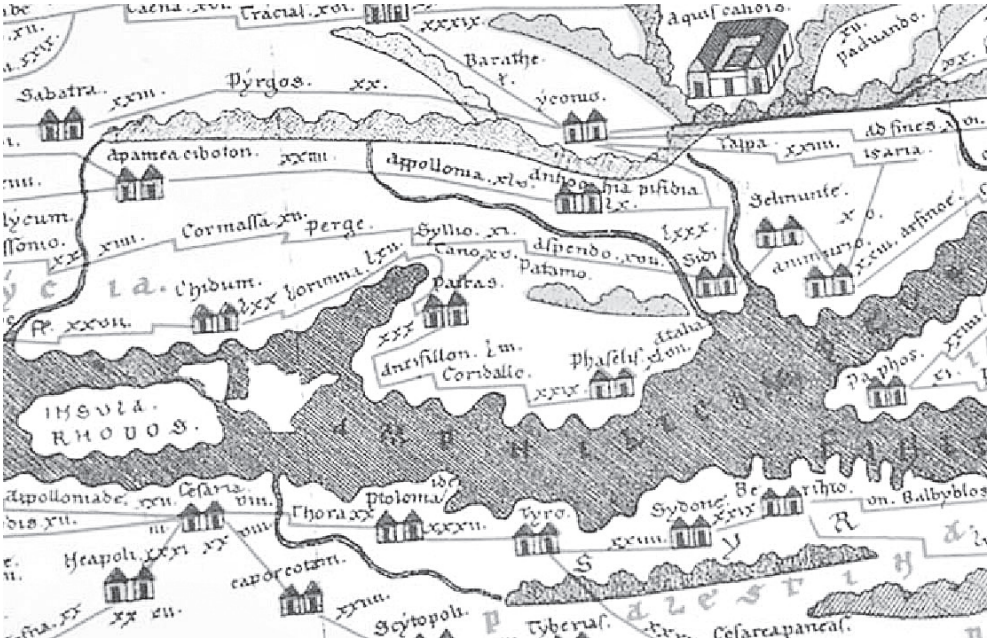


Рис. 4
Фрагмент Певтингеровой карты с обозначенными на ней Коридаллами

Надписи из некрополей о жителях города

Информация, которую сохранил для нас эпиграфический материал, более разнообразна, но тоже весьма ограничена и не богата. Она не дает возможности последовательно восстановить историю Коридалл, а лишь открывает крошечные эпизоды из жизни города, знакомит с отдельными его жителями. Наиболее древними после рассмотренной выше билингвы являются две погребальные надписи из некрополей соседних с Коридаллами городов. На ликийской скальной гробнице, расположенной на восточном склоне холма чуть ниже руин Родиаполя, вырезана короткая, частично испорченная надпись, датируемая IV–III вв. до н. э.: «Гробница (…) Коприлиса, коридаллийца» (ТАМ II.3. 922). Эрнст Калинка, сделавший в 1892 г. оттиск с этой надписи, обращает внимание на то, что резчик допустил ошибку в названии города и после буквы K вырезал буквы IT. Эту ошибку, однако, заметили и исправили – прямо на букве T была вырезана буква O, но произошло это, видимо, несколько позже, поскольку все буквы были обведены красной краской, а буква O осталась незакрашенной.

Другую весьма примечательную надпись и сейчас можно увидеть на большой скальной гробнице в одном из некрополей Лимир (гробница 46 в некро-

Рис. 5
Гробница Артима в некрополе Лимир. Фото автора

поле CH V[29]). Эта гробница состоит из двух погребальных камер и выглядит как две полноценные по размеру гробницы, объединенные под одной общей крышей (*рис. 5*). Над дверным проемом левой камеры вырезана надпись на арамейском языке *(рис. 6*) – одна из четырех надписей на арамейском языке, известных в Ликии[30]. Согласно читаемым частям этой надписи, эту гробницу воздвиг Артим, сын Арзапия, определивший дальше в надписи – эта часть, к сожалению, не сохранилась – размер штрафа для нарушителя покоя его усыпальницы[31]. На поперечной балке, перекрывающей обе погребальные камеры, вырезана в виде одной длинной строки надпись на древнегреческом языке, так же сохранившаяся частично. Ее буквы вырезаны не столь глубоко и объемно, как буквы арамейской надписи. Возможный вариант реконструкции этой надписи был предложен Эугеном Петерсеном, и он в целом был признан другими исследователями, хотя условно поставленное Петерсеном имя правнука основателя гробницы не находит никаких подтверждений. Эта надпись гласит:

[29] Wörrle 2012: 420.
[30] Bryce 1986: 53–54.
[31] Petersen 1889: 69; TAM I. 152; Wörrle 2012: 420.

Рис. 6
Надпись на арамейском языке над входом в гробницу Артима. Фото автора

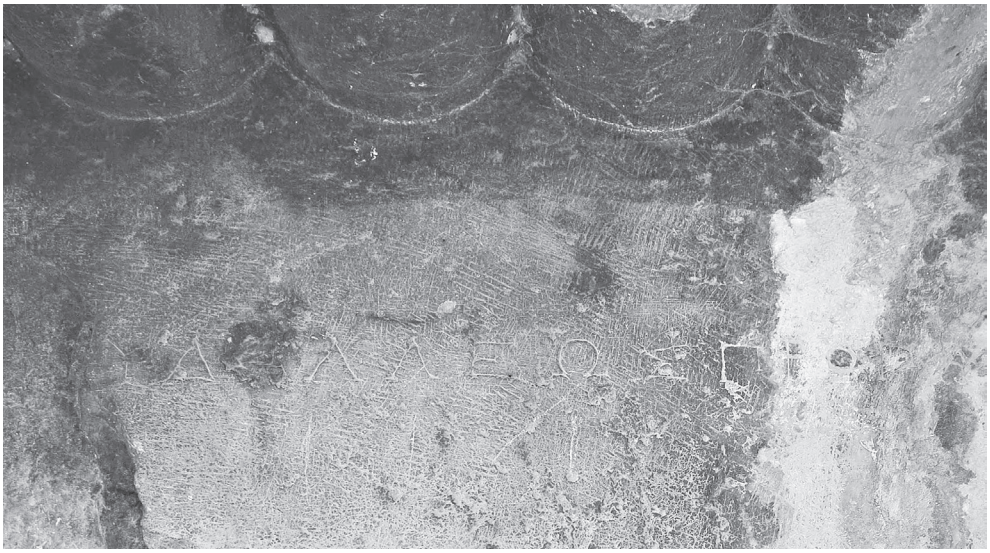


Рис. 7
Фрагмент древнегреческой надписи из гробницы Артима.
Хорошо читается часть слова ΚΟΡ]ΥΔΑΛΛΕΩΣ. *Фото автора*

«Арти[м, сын Арсапия, лимирец, Артима Кор]идаллийца прадед [….] заранее воздвиг эту гробницу для себя и потомков»[32] (*рис. 7*).

Арамейская надпись датируется V в. до н. э. В это время Ликия, завоеванная в 546 г. году персами под предводительством Гарпага, входила в состав царства Ахеменидов, в котором арамейский, или, точнее, имперский арамейский язык не только служил для межнационального общения, но и стал официальным государственным языком. Кем был по национальности основатель гробницы Артим, сказать сложно. Он мог быть ликийцем, воспользовавшимся по каким-то своим причинам языком официальных документов, но мог быть и выходцем с Востока, для которого арамейский язык был родным. Но как бы то ни было, этот Артим связал свою жизнь с Ликией, воздвиг огромную гробницу, в два раза превосходящую все окружающие ее гробницы, и рассчитывал, что весь его род будет жить в этой стране и покоиться после смерти в этой усыпальнице.

Однако один из его ближайших потомков переехал из Лимир в соседние Коридаллы, и у его правнука – чье имя мы не знаем – возникла необходимость подтвердить свои права на родовую усыпальницу. Поэтому приблизительно сто лет спустя – а древнегреческая надпись датируется IV–III вв. до н. э. – этот правнук вырезал на гробнице, причем от имени своего прадеда, новую надпись, закрепляющую его родство с основателем гробницы и фиксирующую его новое гражданство[33].

Впервые обе эти надписи обнаружил и скопировал Чарльз Феллоуз в 1840 г., написавший впоследствии, что все надписи в некрополе Лимир были ликийскими, кроме надписи на одной гробнице, где на одной панели буквы были греческие, а на другой – незнакомые Феллоузу буквы восточного типа, похожие на буквы на финикийских монетах[34]. Обе надписи впервые были изданы Дэниэлом Шарпом в приложении к труду Феллоуза[35], а древнегреческая потом была включена в *Corpus Inscriptionum Graecarum*, где, видимо, по записям Феллоуза, было добавлено, что «финикийские буквы были покрашены голубым цветом, а греческие – красным» (CIG III. 4315).

Владение родовой усыпальницей на территории другого города было для жителей Коридалл важным помимо всего прочего еще и потому, что рядом с Коридаллами не было склона холма или горы, подходящего для устройства скального некрополя, а те два холма, на которых располагался город, образованы – на что обратили внимание еще Феллоуз и Спратт с Форбсом – из

[32] Petersen 1889: 69–70; TAM I. 152; SEG 45: 1807; Wörrle 2012: 420.
[33] Petersen 1889: 70; Wörrle 2012: 420.
[34] Fellows 1852: 366.
[35] Fellows 1841: 468, tab. 36 n.1, 488.

Рис. 8
Скальная гробница на восточном склоне северного холма Коридалл. Фото автора

Рис. 9
Старое кладбище у деревни Хаджывелилер. Фото автора

сланцевых пород, совершенно не пригодных для обработки[36]. Только один мастер смог все же вырезать на восточном склоне северного холма скромную скальную гробницу без единой надписи, которая сохранилась до наших дней (*рис. 8*). Саркофагов в окрестностях Коридалл не видели уже Спратт и Форбс[37], так что их в городском некрополе, скорее всего, вообще не было. Видимо, некрополь состоял из гробниц, сложенных из каменных блоков, – по крайней мере, на эту мысль наводят несколько блоков с погребальными надписями, два из которых можно увидеть на современном кладбище деревни Хаджывелилер.

Кладбище деревни Хаджывелилер начинается сразу к востоку от теплиц, расположившихся на равнине у южного склона северного холма. Кладбищу этому, должно быть, уже не меньше двухсот лет (*рис. 9*), поскольку его описывали путешественники, посетившие Коридаллы в первой половине XIX в. И уже тогда в качестве надгробных памятников были использованы разные античные артефакты – барабаны колонн и обработанные каменные блоки, причем нередко с рельефами и даже с надписями (*рис. 10, 11, 12*). Часть этого старого кладбища, хотя и теснимая новыми захоронениями, пока еще сохраняется. Здесь в одном месте почти вертикально вкопан в землю каменный блок длиной 1,11 м, шириной 0,15 м и толщиной 0,25 м, который когда-то служил перекрытием дверного проема античной гробницы (*рис. 13*). Через всю лицевую сторону этого блока идет надпись с большими, четкими, глубоко прорезанными буквами, расположенными в две строки: «Эту гробницу воздвиг Эпиктет, сын Лисания, для матери своей Хреолисии, и для себя самого, и для жены» (ТАМ II.3. 938). Сейчас больше половины этой надписи засыпано землей, в то время как Калинка, сделавший в 1892 г. ее копию, явно имел возможность изучить и измерить весь камень целиком.

Буквально в нескольких метрах от этого блока точно так же в землю врыт другой блок, тоже перекрывавший дверной проем построенной из камней гробницы (*рис. 14, 15*). Этот блок несколько шире, и разместившаяся на нем надпись насчитывает шесть строк. Но его верхняя часть сбита, и первая строка с именем хозяина гробницы полностью уничтожена. Надпись эта сообщает: «…детям его Сотериху, Нанну, Эпиктету, Гермии, Фаллу, Лисании, Леонтиде – она же Серапиада, и их детям, а другому никому, если только я кому-либо письменно не позволю. Если же кто-то похоронит кого-нибудь другого, он будет должен заплатить великому богу Серапису <…> денариев, а изобличивший получит половину» (ТАМ II.3. 939). Место, где указано имя бога – получателя штрафа, испорчено, и читается только первая буква имени Σ. Генри Арден Ормрод и Эдвард Стэнли Готч Робинсон,

[36] Fellows 1841: 211; Spratt, Forbes 1847: I 164.
[37] Spratt, Forbes 1847: I 164.

Рис. 10
Барабан античной колонны на кладбище у деревни Хаджывелилер. Фото автора

Рис. 11
Барабан античной колонны возле современных могил на кладбище у деревни Хаджывелилер. Фото автора

Рис. 12
Каменный блок с рельефным орнаментом на кладбище у деревни Хаджывелилер. Фото автора

которые в 1911 г. скопировали и потом издали эту надпись, решили, что с буквы Σ начиналось имя Созонт[38]. Однако Калинка обратил внимание на то, что Созонт никогда не почитался «великим богом», зато так обычно величали Сераписа, и в своем издании исправил реконструкцию Σ[ώζοντι на Σ[εράπιδι.

На кладбище Хаджывелилер я видела и еще один, тоже длинный и частично зарытый в землю камень с очень сильно выветрившейся надписью, от которой с трудом можно разобрать несколько отдельных букв (*рис. 16*). Информации об этой надписи в научной литературе я не встречала, если не считать общего упоминания о камнях с надписями на турецком кладбище у Чевика[39].

Гилберт Дэвис после своего путешествия по Ликии издал в 1895 г. одну надпись из Коридалл, которую он обнаружил «на камне, встроенном в стену

[38] Ormerod, Robinson 1914: 29, № 38.
[39] Çevik 2008: 40; 2015: 420.

Рис. 13
Каменный блок с надписью из гробницы Эпиктета на кладбище у деревни Хаджывелилер. Фото автора

Рис. 14
Каменный блок с надписью из античной гробницы на кладбище у деревни Хаджывелилер. Фото автора

Рис. 15
Два блока с надписями стоят на кладбище рядом друг с другом. Фото автора

Рис. 16
Каменный блок с сильно выветрившейся надписью на кладбище у деревни Хаджывелилер. Фото автора

лачуги» в деревне Хаджывелилер[40]. Надпись была частично покрыта штукатуркой, и Дэвис попытался, насколько это было возможно, ее очистить, но разобрать ряд слов ему все же не удалось[41]. Позже Дэвис отдал сделанный им оттиск Калинке, и по этому оттиску Калинка смог прочитать больше, нежели сам издатель. Надпись датируется III в. н. э. Ее начало было утрачено, а оставшиеся десять строк гласили: «…себе самому, и жене моей, и сыновьям Сотеру[42] и Александру, и женам их, и Демарете, и дочери Аврелии Аммаруте, и внукам, и Агафетюхе и Эльпиде, которых я воспитал, и жене Синферусе, на которой я женился во второй раз. Но никто другой не похоронит здесь кого-либо, или он заплатит народу коридаллийцев [столько-то денариев]» (TAM II.3. 940). Судьба этой надписи нам неизвестна.

Также неизвестна и судьба каменного блока, обнаруженного в одном доме в деревне Кумлуджа. На нем была вырезана надпись из восьми строк, датируемая временем империи: «Афродисия, вольноотпущенница Аполлония, [воздвигла] эту гробницу для себя самой, и мужа Гермея, и сына Зосима, и жены [его] и детей, и для Эфебики и детей [ее] и Асклепиада: Афродисии, и Элпидаса, и Апфии, – но не для кого другого, иначе заплатит в императорскую казну [столько-то денариев]» (TAM II.3. 941). Копию этой надписи, сделанную Х.Н. Фертекли, издал впервые Б. Пейс в 1923 г.[43].

В этой же деревне в 1892 г. Калинка сделал эстампаж надписи с памятника, который он назвал «четырехугольным алтарем» (ara quadrata). Однако из представленного им краткого описания этого памятника скорее следует, что это был не алтарь, а типичная для южных областей Малой Азии погребальная стела. Верх стелы был заострен наподобие двускатной крыши, ее фронтон был украшен рельефом с головой Медузы. Под фронтоном были изображены четыре фигуры, стоящие между высоких колонн, а под ними была вырезана следующая надпись: «В память о самом Филоне, сыне Гермея, и его жене Пифидо, и его теще Тимодоре, и тесте Фениппе» (TAM II.3. 942). В надписи перечислены имена четырех человек, и столько же фигур представлено на стеле, и не возникает сомнения в том, что древний мастер изобразил именно Филона и его родственников, ради которых и создавалась эта стела.

Пять или шесть надписей из некрополя целого города – это, конечно, очень мало, и виной тому во многом географическое положение, способствовавшее

[40] Haji-Velilyr, как называет ее Дэвис.

[41] Davies 1895: 113–114, № 30.

[42] Первая буква этого имени была испорчена. Дэвис предположил, что это было имя Сотер, но Калинка этот вариант отверг, в то время как авторы «Словаря греческих личных имен» готовы признать правоту Дэвиса (LGPN V.B. p. 398, Σωτήρ 10).

[43] Pace 1923–1924: 432, № 128; SEG 6: 772.

процветанию Коридалл в античное и византийское время и сделавшее их открытыми и доступными для разграбления в более поздние века. Холмы города окружены равниной. Дороги к ним не поднимаются на высокие горы, подобно дорогам или даже тропинкам, ведущим ко многим другим ликийским городам. Транспортировать древние камни из таких городов для использования их в строительстве – предприятие дорогостоящее, трудоемкое, опасное и в итоге бессмысленное. А увезти в соседнюю деревню обработанные каменные блоки из расположенного на равнине некрополя было несравнимо проще, чем спускать их с гор, и значительно дешевле, чем покупать новый строительный материал. С этой точки зрения, город, прославившийся своими дорогами, был обречен.

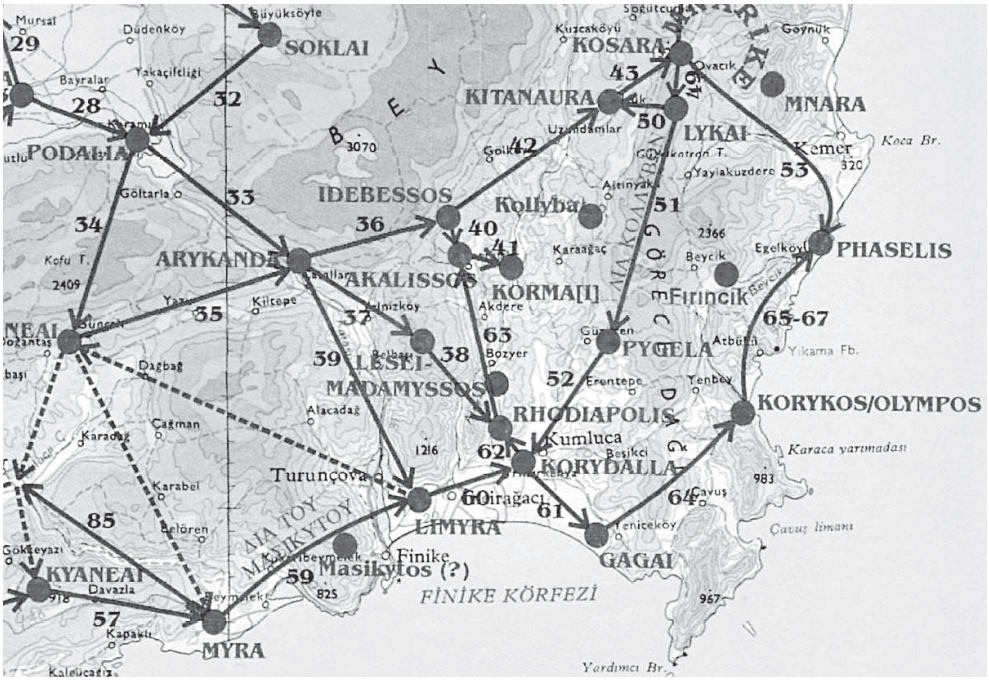
Stadiasmus Patarensis о дорогах, ведущих в Коридаллы

В I в. н. э. Коридаллы действительно были важным транспортным узлом, где встречалось сразу несколько дорог. Первым наместником Ликии, после того как в 43 г. император Клавдий объявил ее прокураторской провинцией римской империи, стал Квинт Вераний. По поручению императора он занялся улучшением транспортной системы: старые дороги были отремонтированы, новые построены, все расстояния были точно измерены. В 45 г. в городе Патары в честь императора Клавдия была установлена высокая прямоугольная колонна, переднюю сторону которой заняла надпись с посвящением императору, а на остальных сторонах не позже 48 г. была вырезана другая длинная надпись, перечислявшая все ликийские дороги с указанием расстояний от одного города до другого. В VI в. каменные блоки, из которых была сложена колонна, пошли на постройку городской стены. Остатки этой стены обнаружили в 1993 г. турецкие археологи, проводившие раскопки Патар, и надпись, насколько это было возможно, была восстановлена. Так в научный обиход вошел интереснейший памятник, получивший название *Stadiasmus Patarensis*. В этом документе сообщается о четырех дорогах, сходящихся в Коридаллах: «От Пигел в Коридаллы 60 стадиев» (STR. 53, C 15), «От Лимир в Коридаллы 56 стадиев» (STR. 60, C 22), «От Коридалл в Гаги 64 стадия» (STR. 61, C 23), «От Коридалл через город Родию и Мадамисс в Акалисс 96 стадиев» (STR. 62–63, C 24–25)[44] (*рис. 17*).

Отдельные культы: от Лето Коридаллийской до Императоров

Барабаны колонн с каннелюрами, оставшиеся на кладбище деревни Хаджывелилер, могли принадлежать какому-либо общественному зданию или святилищу какого-нибудь божества. О культовых постройках Коридалл

[44] Şahin, Adak 2007: 41, 250, 265, 267, 268, 271.


SOKLAI
KOSARA
KITANAURA
LYKAI
MNARA
PODALIA
IDEBESSOS
Kollyba
ARYKANDA
AKALISSOS
KORMA[I]
PHASELIS
PYGELA
LESEI-
MADAMYSSOS
RHODIAPOLIS
KORYKOS/OLYMPOS
KORYDALLA
LIMYRA
GAGAI
KYANEAI
MYRA
Masikytos (?)
FİNİKE KÖRFEZİ
Finike
Turunçova
Kumluca
Karaca yarımadası
Çavuş limanı
Yardımcı Br.
Koca Br.
Kemer
Göynük
Ovacık
Kuzcaköyü
Büyüksöyle
Mursal
Dudenköy
Bayralar
Yakaçiftliği
Göltarla
Kofu T.
Yazır
Kilcape
Dağbağ
Çağman
Karadağ
Karabel
Belören
Davazla
Kapaklı
Kaleucadız
Alacadağ
Akdere
Bozyer
Erentepe
Yenbey
Atbürü
Yıkama Fb.
Beycik
Egelköy
Firincik
Karaağaç
Altınyaka
Yaylakuzdere
Uzundamlar
Çoğlakatran T.
Çoğlakatran
Çoğlakatran Br.
Besikci
Tenicekoy
Çavuş
Kirağaci
Beymelek
Kuzcubeymelek
Çelikhisar
Yeniköy
Helmizköy
Belbaşı
Gümüşen
Çaltılar
Gökbeyazı
Süncek
Pozantaş
Kozan
Kalecik
Kaş
Kemer
Antalya
Alanya
Finike
Demre
Kaş
Fethiye
Marmaris
Bodrum
Milas
Muğla
Denizli
Antalya
Burdur
Isparta
Afyonkarahisar
Konya
Eskişehir
Kütahya
Uşak
Manisa
Aydın

0,08 м. Эта плита была разделена на две неравные части – правая была шире и выше левой, – и каждая часть сверху имела округлое завершение. На обеих частях в совершенно одинаковых позах были изображены юные всадники Диоскуры: каждый правый всадник держал копье в правой руке, а левый – в левой. Диоскуры направляли своих коней к стоящей на пьедестале в длинных одеждах Елене. В левой части она держала в правой руке чашу, а в правой – прижимала правую руку к сердцу. Под изображением на полоске шириной 0,04 м была сделана надпись, уместившаяся в одну строку: «Аврелий Кондион, сын Гермогена, Диоскурам по обету» (ТАМ II.3. 933).

Коридаллийцы, как и жители всех ликийских городов, выражали свое благоговейное отношение к императорам, воздвигая в их честь монументы с почетными надписями. После посещения в 129 г. Коридалл императором Адрианом во время его второго путешествия по Малой Азии жители города изготовили алтарь с верхним и нижним профилем и вырезали на нем следующую надпись: «Императору Цезарю Траяну Адриану Августу, Отцу Отечества, Олимпийскому, Спасителю мира в честь его приезда совет и народ коридаллийцев» (ТАМ II.3. 1193). Однако поставлен этот алтарь был не в Коридаллах, а в Фаселиде у восточного входа на агору рядом с точно таким же алтарем, посвященным императору жителями Акалисса (ТАМ II.3. 1192).

Памятник в честь Септимия Севера украшал сами Коридаллы. Часть его основания обнаружил на турецком кладбище Дэниэлл в 1842 г. и скопировал с него посвятительную надпись – она сохранилась в рукописном томе Бёрча (№ 314), куда он переписал ряд надписей из тетрадей Дэниэлла. В 1892 г. этот камень снова нашел и изучил Калинка. Он обратил внимание на то, что первая строка надписи дана у Бёрча как абсолютно невредимая, в то время как на самом деле большая ее часть отбита, и выразил сомнение в том, что эти повреждения были нанесены уже после визита Дэниэлла. Сама надпись, датируемая 210–211 гг., была вырезана четкими буквами высотой 4 см и занимала четыре строки: «Императора Цезаря Луция Септимия Севера Пертинакса Августа, Парфянского, Аравийского, Адиабенского, Британского» (ТАМ II.3. 935). Мне разыскать эту надпись на кладбище деревни Хаджывелилер не удалось. Однако Чевик, дабы проиллюстрировать свое сообщение о древних камнях с надписями на турецком кладбище, опубликовал в своей статье фотографию камня, надпись которого полностью соответствует маюскульному варианту надписи, данному Калинкой (*рис. 18*). Разница состоит лишь в том, что камень на фотографии Чевика утратил всю свою левую часть (то есть начало всех строк) приблизительно на треть и даже чуть больше, а оставшийся кусок разбит пополам. К сожалению, Чевик не предоставил никакой информации относительно более точного местонахождения этого камня, его дальнейшей судьбе и дате снимка и ограничился лишь короткой

Рис. 18
Камень с надписью в честь Септимия Севера. Çevik 2008: 40

подписью самого общего содержания: «Одна из надписей, находящихся на кладбище»[45].

Последняя из известных нам посвятительных надписей из Коридалл сыграла очень важную роль в истории изучения этого города. Именно благодаря этой надписи Спратт, Форбс и Дэниэлл смогли идентифицировать руины, которые они осматривали 1 апреля 1842 г. как остатки Коридалл – из всех найденных ими в тот день надписей только на этой одной им посчастливилось прочитать название города. Камень с надписью был встроен в старую стену, стоящую на равнине между двух холмов, – сейчас от нее не осталось и следа. Признавая особое значение этой надписи для реконструкции географии древней Ликии, Спратт и Форбс опубликовали ее в приложении к своему труду[46]. Надпись была посвящена императору Каракалле, состояла из четырех строк и датировалась 211–217 гг.: «Императора Цезаря Марка Аврелия Антонина Августа [почтил] совет и народ коридаллийцев» (TAM II.3. 936).

Почетные надписи в честь коридаллийцев

Увековечивали коридаллийцы в почетных надписях и имена выдающихся граждан своего города – эту традицию можно отследить во многих областях

[45] Çevik 2008: 40. Переиздавая текст этой статьи в качестве главы о Коридаллах в книге о Ликии, Чевик заменил фотографию с этим камнем на фотографию с общим видом кладбища: Çevik 2015: 420–421.
[46] Spratt, Forbes 1847: II 277.

Малой Азии. Калинка обнаружил на турецком кладбище прямоугольный каменный блок высотой 1,03 м, шириной 0,34 м и толщиной 0,22 м, обломанный сверху и слева. На камне была вырезана надпись из семи строк: «…архифилакса народа, мужа благопристойного и благонамеренного, и сам я одобряю, и вам, желающим его почтить, охотно дозволяю. Будьте здоровы», – затем с новой строки: «Ликийский союз постановил: поскольку Пасикрат, сын Аристона, внук Пасикрата…» (TAM II.3. 937). Под последней строкой на камне оставалось еще достаточно большое свободное место (0,86 м в высоту), где вполне могла бы разместиться остальная часть надписи. Однако резчик не стал использовать это место и перенес продолжение надписи на другой каменный блок. Это указывает, по мнению Калинки, на то, что надпись наносилась уже на готовую стену колонками, и тексты разных документов и декретов шли подряд один за другим, как это было, например, в знаменитой надписи Опрамоя из Родиаполя (TAM II.3. 905).

Некоторые коридаллийцы прославились далеко за пределами родного города. Так, в Эноандах местный житель Юлий Луций Пилий, сын Эвареста, устроил на свои средства в честь императора Севера Александра (222–235) и в честь своего отца Эвареста празднество со спортивными состязаниями, которое он назвал Северии Александрии Эварестии. Судя по всему, эти игры были весьма распространенного в Ликии, Памфилии, Писидии и южной Фригии типа Θέμις, то есть ἀγὼν θεματικός либо ἀγὼν θεματίτης. Расходы по проведению таких игр всегда брал на себя один богатый житель города. Он считался агонотетом и даже мог сам выбирать для празднества название, связанное с его именем или, как это было в Эноандах, с именем кого-то из его близких. Победителей на таких соревнованиях награждали не венками или гирляндами, а дорогими подарками и даже почетными статуями. После проведения первого празднества в Эноандах была установлена статуя в честь «Аврелия Деметрия, дважды гимнасиарха, коридаллийца и родиапольца, одержавшего славную победу в панкратионе мальчиков». Имя агонотета, название празднества, имя победителя, вид состязания – всю эту информацию сообщала надпись из 18 строк, вырезанная на постаменте[47].

Интересно, что и на вторых Севериях Александриях Эварестиях одна из побед также досталась жителю Коридалл, о чем сообщала другая надпись на похожем постаменте. Звали его Деметрий, сын Деметрия – часть строки перед

[47] Paris, Holleaux 1886: 229–230, № 9. Мальчик Аврелий Деметрий назван в этой надписи «дважды гимнасиархом». Конечно, ребенок не мог исполнять обязанности гимнасиарха, поэтому здесь мы, скорее всего, столкнулись с чем-то типа почетного титула, который мог присваиваться с раннего детства. См.: Öhler J. Γυμνασίαρχος // RE. Bd. VII. Hbd. XIV. 1912. Sp. 1992.

Рис. 19
Вид на Родиаполь из Коридалл. Фото автора

именем Деметрий испорчена, так что он вполне мог быть Аврелием Деметрием, – а вид состязания был, как обычно, указан в последних строках надписи, которые тоже не сохранились[48].

Опрамой из Родиаполя и другие благодетели города

Несколько фактов из жизни Коридалл II в. н. э. становятся известными благодаря так называемой надписи Опрамоя из Родиаполя. Город Родиаполь, ближайший сосед Коридалл, находится на вершине высокого холма, поднимающегося у края равнины Кумлуджи. Из Коридалл и сейчас можно увидеть руины Родиаполя наверху (*рис. 19*), а из Родиаполя открывается прекрасный вид на всю равнину вплоть до моря и горного массива у ее восточных границ, и можно хорошо рассмотреть два холма Коридалл (*рис. 1*). Поэтому неудивительно, что жителей обоих городов связывали давние узы родства, и многие из них имели двойное гражданство.

Во II в. в Родиаполе жил очень богатый человек по имени Опрамой. Он был сыном Аполлония, внуком Аполлония и правнуком Каллиада. Его мать звали Аглаидой Аристокилой, она была дочерью Гермея и являлась гражданкой как

[48] Paris, Holleaux 1886: 232–233, № 12.

Рис. 20
Монументальная гробница Опрамоя до реконструкции во время раскопок 2010 г., вид с запада. Фото автора

Родиаполя, так и Коридалл (Ἀγλαΐδα τὴν καὶ Ἀριστόκιλαν Ἑρμαίου Ῥοδιαπολεῖτιν καὶ Κορυδαλίδα[49] – TAM II.3. 916. 1–3, ср. TAM II.3. 905. VIII. 47–48). Однако гражданство в Родиаполе она получила в результате замужества, а родом была из Коридалл – в «Четвертом декрете ликийцев, посланном Антонину Пию», сказано, что Опрамой не забыл и о городе со стороны матери, городе коридаллийцев (ἐπελ]ήσ[ατο] δὲ τῆς πρὸς μητ[ρὸς] πόλεος τῆς Κορ[υ]δαλλέων, TAM II.3. 905. XIV. 72–75), а «Шестой декрет ликийцев, посланный Антонину Пию» называет город коридаллийцев родиной Опрамоя со стороны матери (τῇ δὲ Κορυδ[αλλ]έων πόλει, τῇ πρὸς μητρὸς πατρίδι αὐτοῦ, TAM II.3. 905. XIX. 5–6). Основную информацию о жизни Аполлония второго и Аглаиды Аристокилы сообщают надписи на двух постаментах, воздвигнутых Опрамоем в Родиаполе в честь его родителей (TAM II.3. 915, 916). Видимо благодаря двойному гражданству своей матери Опрамой тоже сразу стал гражданином обоих городов, а гражданство в Мирах, Патарах и ряде других городов он получил уже в зрелом возрасте в награду за свои благодеяния. Поэтому в надписях он нередко выступает как Ὀπραμόας Ἀπολλωνίου δὶς τοῦ Καλλιάδου Ῥοδιαπολείτης καὶ Κορυδαλλεὺς – «Опрамой, сын Аполлония второго, правнук Каллиада, родиаполец и коридаллиец» (TAM II.3. 905. V. 84–86, VI. 38–39, 70–71 (*рис. 21*), VIII. 17–19, IX. 8–10, 80–82).

[49] Слово Κορυδαλίδα в надписи вырезано с одной лямбдой.

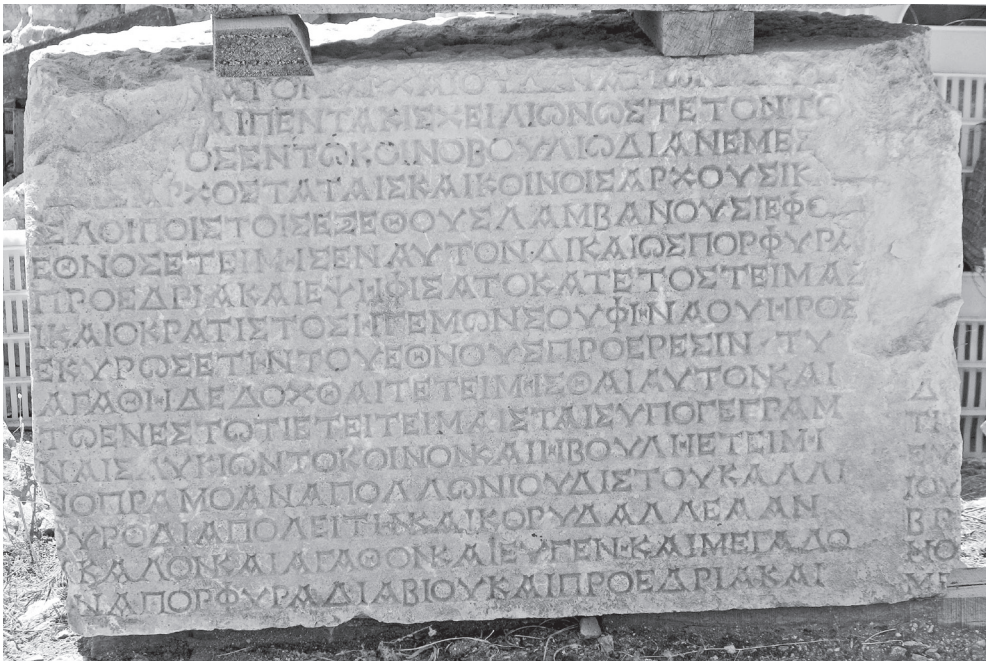


Рис. 21
Фрагмент надписи с юго-западной стены гробницы Опрамоя (TAM II.3. 905. VI. 58–73), 5–3 строки снизу: «Ликийский союз и совет почтил Опрамоя, сына Аполлония второго, правнука Каллиада, родиапольца и коридаллийца…». Фото автора

В течение всей своей жизни Опрамой помогал ликийским городам, выделяя им крупные суммы денег на восстановление старых общественных зданий и возведение новых, на нужды святилищ богов или на проведение различных празднеств. Без его поддержки жителям Ликии значительно сложнее было бы восстановить свои города после разрушительнейшего землетрясения 141 г. Зная щедрость Опрамоя, граждане многих городов сами обращались к нему за помощью. Он, например, помог восстановить в Патарах святилище Аполлона – согласно «Четвертому декрету ликийцев, посланному Антонину Пию», «…когда бог после долгого молчания снова начал пророчествовать, сразу же, в соответствии с благочестием этого мужа [т. е. Опрамоя. – *Е. П.*] и радуясь удачному моменту, город патарцев попросил восстановить оракул и отеческое празднество, и он согласился»[50]. Также Опрамой принимал самое активное участие в общественных и политических делах Ликии и даже в 136 г.[51] был

[50] TAM II.3. 905. XIV. 45–57, но перевод дан по новому варианту прочтения надписи, см.: Kokkinia 2000: 60–61, XIV E. 6 – XIV F. 2.

[51] Эту дату дает Д. Райтценштайн, см.: Reitzenstein 2011: 192–195.

избран верховным жрецом Императоров – ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν (TAM II.3. 905. VIII. 22 etc.). Как в II–I вв. до н. э. ликиарх, так и в период империи верховный жрец Императоров выступал высшим представителем Ликийского союза. Полномочия каждого верховного жреца Императоров были ограничены одним годом. Заметим, что брат Опрамоя Аполлоний третий также занимал эту должность, только значительно раньше, в 118 г.[52].

В центре Родиаполя, прямо перед скеной театра, жители города построили для Опрамоя монументальную гробницу в виде храма в антах (*рис. 20*), на трех стенах которой – юго-западной, юго-восточной и северо-восточной[53] – с внешней стороны они вырезали, расположив колонками, длинную надпись, составленную из декретов и писем, написанных в промежутке между 123 и 152 гг.[54], которые задокументировали всю общественную деятельность Опрамоя и все его пожертвования и благодеяния (*рис. 21*). Обнаружена эта надпись была 1 апреля 1842 г. Спраттом, Форбсом и Дэниэллом, но, поскольку гробница Опрамоя предстала перед ними в виде полуразрушенной постройки в лесных зарослях, они, даже специально вернувшись в Родиаполь 10 апреля, смогли скопировать только треть надписи[55]. В итоге для копирования и реконструкции этой надписи потребовались усилия не одного поколения ученых[56]. Сейчас турецкие археологи ведут работы по полному восстановлению гробницы Опрамоя. Однако отдельные ее камни были настолько раздроблены, что в тексте надписи до сих пор остаются многочисленные лакуны, и даже количество включенных в нее документов оценивается по-разному. Калинка выделил 69 документов, в то время как Х. Коккиниа доказывает, что их было 70[57].

Есть в этих документах информация и об участии Опрамоя в жизни Коридалл. В «Декрете ликийцев κατ’ ἔτος καὶ κατὰ πόλιν τειμαί» сказано, что Опрамой в течение одного года трижды бесплатно был в Коридаллах гимнасиархом и юношей, и герусии, за что его почтили граждане[58] и даже удостои-

[52] Reitzenstein 2011: 181–182.

[53] Для упрощения обозначения в научной литературе юго-западную сторону называют западной, юго-восточную – южной и северо-восточную – восточной, см.: Kokkinia 2000: 3.

[54] Так датирует Kokkinia 2000: 5. Однако, если Райтценштайн (Reitzenstein 2011: 179–180) правильно установила, что Клавдий Сакердот, при котором были написаны два письма Требия Максима, включенные в текст надписи (TAM II.3. 905. II. 97– III. 9), был верховным жрецом Императоров в 115 г., и если учесть, что Требий Максим был наместником провинции в 115–117 гг., о чем пишет сама Коккиниа (Kokkinia 2000: 123), то общая датировка документов в надписи Опрамоя должна быть скорректирована.

[55] Spratt, Forbes 1847: I 165, 181–182.

[56] Общий обзор истории изучения надписи Опрамоя см.: Kokkinia 2000: 4–8.

[57] Kokkinia 2000: 8–189.

[58] Такой вариант реконструкции предлагает Коккиниа, см.: Kokkinia 2000: 41, IX C. 2–7.

ли ежегодных почестей (TAM II.3. 905. IX. 35–40). Об этом же событии упоминает и «Четвертый декрет ликийцев, посланный Антонину Пию»: «…не забыл он и о городе со стороны матери, городе коридаллийцев, но взял в нем на себя в один и тот же год три должности гимнасиарха[59]» (TAM II.3. 905. XIV. 72–79). Согласно реконструкции Коккиниа, о «трех гимнасиархиях» Опрамоя в Коридаллах шла речь и в «Третьем декрете ликийцев, посланном Антонину Пию»[60].

В 149 г. при верховном жреце Императоров Верании Тлеполеме из Ксанфа[61] – а это тяжелое время после землетрясения – ликийцы издали «Шестой декрет ликийцев, посланный Антонину Пию», где они, в частности, писали: «…а городу коридаллийцев, его родине по матери, после того как исполнил три гимнасиархии, устроивший раздачу продовольствия[62] и давший 60 000 серебряных денариев» (TAM II.3. 905. XIX. 5–9).

Среди писем, представленных в надписи на гробнице Опрамоя, есть два письма, адресованных коридаллийцам. В 115 г. при верховном жреце Императоров Клавдии Сакердоте[63], в Коридаллы пришло письмо от наместника Требия Максима: «Требий Максим, легат Августа пропретор, совету и народу коридаллийцев радоваться. Опрамоя, сына Аполлония второго и правнука Каллиада, ставшего архифилаксом, мужа от предков благопристойного, о щедрости которого по отношению к священнейшему народу [ликийцев] вы свидетельствуете, я и сам одобряю. Желаю вам здравствовать! Записано при Сакердоте, в [месяце] горпиее[64]» (TAM II.3. 905. III. 1–9).

В 151 г. при верховном жреце Императоров Антихаре втором[65] коридаллийцы получили письмо от самого императора: «Император Цезарь, сын бога Адриана, внук бога Траяна Парфянского, правнук бога Нервы, Тит Элий Адриан Антонин Август, Великий Понтифик, наделенный властью народного трибуна 14 раз, Император 2 раза, Консул 4 раза, Отец Отечества, архонтам, совету и народу коридаллийцев здравствовать. Каким образом проявляет у вас свою щедрость Опрамой, сын Аполлония, я узнал из того, что вы мне прислали. А какую щедрость он проявил по отношению ко всем остальным городам, пострадавшим от землетрясения, я знаю из их постановлений. Этот декрет при-

[59] Вёррле полагает, что одна гимнасиархия Опрамоя была посвящена юношам, а две – герусии, см.: Wörrle 1988: 113, Anm. 212.
[60] Kokkinia 2000: 55, XIII B. 14 – C. 1; TAM II.3. 905. XIII. 31–32.
[61] Reitzenstein 2011: 203–204.
[62] См.: Wörrle 1988: 127–128.
[63] Reitzenstein 2011: 179–180.
[64] То есть в августе.
[65] Reitzenstein 2011: 205.

слал Рупилий Север, сиятельный наместник провинции[66]. Будьте счастливы! В первый день до февральских Ид из Рима. Зарегистрировано 6-го ксандика[67]» (TAM II.3. 905. XII. 36–47)[68].

Среди документов, вырезанных на гробнице Опрамоя, есть и «Первый декрет ликийцев, посланный Антонину Пию», принятый при верховном жреце Императоров Сарпедоне, сыне Пантенета, то есть в 138 г.[69]. По решению Ликийского союза этот декрет должны были отвезти императору послы, выбранные из числа самых достойных граждан, так как им надлежало не только передать Антонину Пию само послание, но и на словах проинформировать его о ликиархии Опрамоя, о благосклонном отношении к нему народа и о деле жителей Ксанфа. Этими послами были выбраны коридаллиец Гай Юлий Антонин и Обраогелис, сын Филаргира, из Олимпа (TAM II.3. 905. VII. 72–75).

Еще об одном деянии Опрамоя, косвенно связанном с Коридаллами, сообщают две одинаковые надписи на двух больших постаментах, найденных возле театра в городе Тлосе в западной Ликии. На верхней поверхности одного из постаментов сохранились следы двух ног, а значит, когда-то его украшала статуя Опрамоя. В надписи совет и народ Тлоса выражают благодарность Опрамою за 60 000 серебряных денариев, пожертвованных им на восстановление театра и портика в банях, а также за то, что он подарил им «по завещанию поле в коридаллийской земле в месте Харадры и Педагог[70], приносящее ежегодно 1250 денариев на устраиваемое каждые пять лет всенародное празднество и на раздачу мужам, получающим продовольствие, по 1 денарию» (TAM II.2. 578. 24–30[71]).

Опрамой не был единственным богатым человеком в Ликии, оказывающим благотворительную помощь как жителям разных других городов Ликийского союза, так и Коридаллам. Своими щедрыми пожертвованиями прославился также и его современник Ясон, сын Никострата, из города Кианеи, который в 139 г. занимал должность верховного жреца Императоров[72]. В надписи из

---

[66] Согласно Kokkinia 2000: 171, годы правления Рупилия Севера 149–152.

[67] То есть 6 июня.

[68] Коккиниа не принимает три реконструкции Калинки: она оставляет без чисел те места, где сказано, сколько раз Антонин Пий был императором и консулом, и не дает после «Ид» слово «февральские», см.: Kokkinia 2000: 51–53, XII C. 8 – XII D. 7. Такое решение не вполне понятно, поскольку император Антонин Пий одновременно написал и отправил такие же письма в Лимиры (TAM II.3. 905. XII. 22–35), Гаги (TAM II.3. 905. XII. 69–79) и Нисы (TAM II.3. 905. XII. 49–58), и по ним легко восстанавливаются лакуны в письме коридаллийцам, что и было сделано Калинкой.

[69] Reitzenstein 2011: 195–196.

[70] См.: Wörrle 1988: 138.

[71] Так же TAM II.2. 579. 22–25, но у этого постамента нижняя часть отбита, и последние строки утрачены.

[72] Reitzenstein 2011: 196–198.

Кианей перечисляется, в какой год, в какой месяц и какого числа тот или иной город принял почетный декрет в честь Ясона в благодарность за его помощь. Есть в этом списке и Коридаллы. Жители Коридалл почтили Ясона декретом при верховном жреце Императоров Юлии Титиане Фании[73], в месяце апеллее[74], 30-го числа (IGR III 704 I. 8–10).

В городе Идебессе некий гражданин Акалисса по имени Орий, сын Аристократа, поставил сам себе статую, на постаменте которой он вырезал надпись с перечнем всех своих достижений. Среди них Орий указал и то, что за его благодеяния его почтили декретами жители Ариканд, Кианей и Коридалл (TAM II.3. 831).

Имя еще одного благотворителя погибло вместе с частью надписи из города Пинары. Этот человек дал коридаллийцам деньги на бои диких зверей, на представления перед боями и на жертвоприношения быков, а потом добавил, видимо, и еще какое-то пожертвование, но испорченный текст надписи не позволяет понять какое (TAM II.2. 508. 12–14).

Монеты III в.

В годы правления императора Гордиана III (238–244), разрешившего крупным городам чеканить собственные монеты, в Коридаллах вновь начинает работать монетный двор. На аверсе бронзовых монет того времени представлен обращенный лицом вправо бюст Гордиана III в кирасе и с лавровым венком на голове, вокруг которого сделана надпись: ΑΥ Κ ΜΑΡ ΑΝΤ ΓΟΡΔΙΑΝΟΣ ΣΕΒ – Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Μᾶρκος Ἀντώνιος Γορδιανὸς Σεβαστός. На реверсе этих монет изображен либо сидящий на троне Зевс, держащий в правой руке Нику на шаре, а в левой – скипетр, либо стоящая прямо с головой, обращенной направо, Афина Паллада в шлеме и длинной одежде с длинным копьем в правой руке, со щитом внизу возле ног и с левой рукой, покрытой пеплосом (*рис. 22*), либо богиня Тюхе с корабельным рулевым веслом в правой руке и рогом изобилия в левой, либо скачущий вправо всадник с копьем в поднятой правой руке, а чуть ниже – алтарь и пальмовая ветвь (*рис. 23*). Вокруг каждого из этих изображений идет надпись: ΚΟΡΥΔΑΛΛΕΩΝ – «Коридаллийцев».

Епископы Коридалл

О византийском периоде истории Коридалл наши сведения оказываются еще более скудными. Когда с утверждением христианства была образована

[73] Точный год правления этого верховного жреца Императоров неизвестен, см.: Reitzenstein 2011: 178.

[74] То есть в феврале.

Рис. 22
Монета с бюстом Гордиана III
и с Афиной Палладой

Рис. 23
Монета с бюстом Горидана III
и со всадником с копьем

епархия Ликия с митрополией в Мирах, Коридаллы, как и многие другие ликийские города, стали резиденцией епископа и вплоть до XII в. регулярно – то с двумя, то с одной лямбдой в названии – упоминаются в *Notitiae episcopatuum*[75].

В 375 г. Василий Великий пишет письмо Амфилохию, епископу Иконийскому, с просьбой отправить верного человека в Ликию, дабы он пообщался там с местными епископами и узнал, кто из них исповедует истинную веру. Василий Великий объясняет, что к нему прибыл оттуда некий благочестивый муж и рассказал, что в Ликии есть люди, отвергающие арианство и готовые вступить с ним в общение. Однако прежде чем начинать с ними переписку и приглашать их на встречу, Василий Великий хочет проверить благонадежность этих людей и для этого просит Амфилохия послать туда своего человека и даже сообщает ему имена тех епископов, к которым следует обратиться. Первым же городом, куда необходимо наведаться посланцу Амфилохия, названы Коридаллы: «Пусть он найдет в Коридаллах[76] Александра, епископа из монашествующих…» (Epist. 210 (218), 19–21)[77]. Затем перечислены имена верных епископов и пресвитеров в Лимирах, Кирах (видимо, Мирах), Патарах, Тельмессе и Фелле. Получается, Коридаллы оказались в окружении самых крупных городов Ликии, а значит, играли в то время немалую роль в политической и религиозной жизни епархии.

В середине V в. епископом в Коридаллах был Палладий. Он не смог присутствовать 25 октября 451 г. на торжественном заседании IV Вселенского Собора в Халкидоне, и от его имени принятое там вероопределение подписал другой ликийский епископ: «Палладий, епископ Коридалл, определивши, под-

[75] 1. 260; 2. 322; 3. 372; 4. 277; 7. 351; 9. 233; 10. 271, 282; 13. 286.
[76] Василий Великий пишет ἐν Κορυδάλοις, то есть с одной лямбдой.
[77] См. также: Destephen 2008: 93.

писал через Евдоксия, епископа Хомата» (ACO II.1.2. p. 151)[78]. А в 458 г. некий «пресвитер Карпон[79] подписал вместо Палладия, епископа Коридаллийского (in loco Palladii episcopi Corydalleni)», ответ поместного собора Ликии на послание императора Льва I (ACO II.5. p. 63).

В 1963 г. на западном склоне северного холма Коридалл был найден большой клад, состоящий из серебряных предметов церковного обихода преимущественно VI в.[80]. Вопрос о том, принадлежали ли эти предметы одной из коридаллийских церквей или были привезены сюда из монастыря Святого Сиона, находившегося к северу от Мир – на эту мысль исследователей натолкнуло неоднократное упоминание Святого Сиона в надписях дарителей, – пока еще не имеет однозначного решения. Но если все же допустить, что все эти евхаристические тарели, паникадила, лампады, потиры, кадила, обложки для священных книг и т. д. использовались в местной церкви, то тогда и дарители, сделавшие памятные надписи на преподнесенных храму предметах, скорее всего, тоже жили в Коридаллах.

Двадцать девять предметов подарил церкви епископ Евтихиан[81]. По имеющимся на них клеймам эти предметы датируются 550–565 гг. Текст нанесенных на них надписей имеет разные варианты. На двух больших, диаметром 61 см и 73,5 см евхаристических тарелях выполнена чернью надпись: «Евтихиан, нижайший епископ, великому Богу во оставление грехов» (№ 2, 3)[82] (*рис. 24*). На двух амфорах написано: «Святой Сион, помоги епископу Евтихиану» (№ 15, 16). На шестиугольном кадиле: «По обету, во спасение и оставление грехов Евтихиана, нижайшего епископа. Аминь» (№ 18). На круглом кадиле и на лампаде: «Евтихиан, нижайший епископ, Владычице Богородице» (№ 19, 46). На трех круглых паникадилах и крестообразном кронштейне для пяти лампад: «По обету и во спасение Евтихиана, нижайшего епископа» (№ 25–27, 49), – а на кронштейне еще добавлено: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас». На семи лампадах: «Евтихиан, нижайший епископ, великому Богу» (№ 37–43) (*рис. 25*). На лампаде: «По обету Евтихиана, нижайшего епископа» (№ 48). На трех крестообразных паникадилах: «Трисвятой Господи, помоги», – и монограмма: «епископа Евтихиана» (№ 28–30). На шести прямоугольных пани-

[78] См. также: Destephen 2008: 746; Honigmann 1942–1943: 55, № 273.

[79] Carponas или Carporus – точная форма имени неизвестна. См.: Destephen 2008: 571.

[80] См.: Boyd 1992. Подробно о так называемом Сионском кладе будет рассказано во второй части данной статьи.

[81] С. Бойд перечисляет 33 предмета, подаренных Евтихианом, но более точным представляется все же число 29, констатируемое И. Шевченко. См.: Boyd 1992: 8, 36; Ševčenko 1992: 46.

[82] Нумерация надписей дается по «Перечню предметов Сионского клада» в работе: Boyd 1992: 19–34.

Рис. 24
Евхаристическая тарель с надписью епископа Евтихиана. Музей Анталии. Özgür 2012: 55

кадилах: «Святой Сион, помоги», – и монограмма: «епископа Евтихиана» (№ 31–36).

Надпись на одной большой евхаристической тарели была сделана при жизни епископа Евтихиана, но, скорее всего, не им самим, а кем-то из его паствы: «[Это] было преподнесено при святейшем и блаженнейшем епископе нашем Евтихиане» (№ 1). А надпись на лампаде была выгравирована уже после смерти епископа: «Ради памяти и упокоения блаженной памяти Евтихиана» (№ 44)[83].

Среди надписей на предметах Сионского клада встречаются имена не только епископа Евтихиана, но и других священнослужителей, церковнослужителей, а также мирян. На покрытии алтарного стола имеется надпись: «Парегор, нижайший епископ, преподносит [это] Христу, истинному Богу, в память и во оставление грехов родителей его, и братьев, и родственников, и Николая, Севера и Апфиана чтеца[84]» (№ 60–61). На двух панелях с чеканными крестами, тоже принадлежавших, возможно, облицовке алтарного стола, написано: «Парегор, нижайший епископ, преподнес» (№ 70) и «Захария, нижайший пресвитер, преподнес» (№ 69). На покрытии колонны отчеканена такая надпись: «Это творение было восстановлено при Феодоре, святейшем епископе» (№ 55). Две надписи на обложках книги гласят: «В память и во оставление грехов Принкипия диакона, и Стефаны, и Леонтии» и «Конона диакона» (№ 23 a–b). Две большие евхаристические тарели, украшенные позолоченными крестами, несут на себе такие надписи: «В память и во оставление грехов светлой памяти Ангелева[85] Руфина» (№ 4) и «В память и во оставление грехов боголюбезнейшей памяти Иоанна и его дочери Проклы» (№ 5). А тарель с выгравированным крестом

[83] Вполне вероятно, как полагает Шевченко (Ševčenko 1992: 56), что здесь речь идет о другом Евтихиане.

[84] Или «чтецов». См.: Ševčenko 1992: 55, № 23.

[85] Шевченко считает, что в написание имени АГГЕЛЕУОУ закралась ошибка, но никакого правдоподобного варианта исправления он не предлагает, см.: Ševčenko 1992: 47, 53.

Рис. 25
Лампада с надписью епископа Евтихиана. Özet 2003: 62

была преподнесена: «В память о светлейшей Марии» (№ 6). Также и надпись на лампаде сообщает: «В память и во оставление грехов блаженнейшей Гимерии» (№ 45).

Некоторые жители Коридалл из скромности и смирения не стали наносить на приготовленные дары свои имена и ограничились такими надписями: «Обет тех, чьи имена знает Бог» (№ 9, 10), «Я благодарю. Я создал [это]» (№ 13).

После VI в. нам известны имена только двух епископов Коридалл. Епископ Лев принимал участие в VII Вселенском Соборе в Никее в 787 г.[86] и, судя по всему, не пропустил ни одного заседания. На первом заседании он значится в списке присутствующих: Λέοντος ἐπισκ. Κορυδάλων[87] (Mansi XII. 998 B). На втором заседании он выступил за иконопочитание в том виде, как оно было сформулировано папой Адрианом I, и осудил иконоборцев: «Лев, святейший епископ Коридалл, провозгласил тоже» (Mansi XII. 1111 A)[88]. На четвертом заседании он выразил свое согласие следовать учению Святых Отцов и только что прочитанным свидетельствам из их творений, дающим основания для почитания святых икон, и поставил свою подпись: «Лев, епископ Коридалл тоже» (Mansi XIII. 148 A). А на седьмом заседании, где он в начале списка указан среди присутствующих (Mansi XIII. 369 E), Лев подписал принятый Собором догмат об иконопочитании: «Леонтий[89], недостойный епископ города Коридалл тоже» (Mansi XIII. 393 A).

В работе IV Константинопольского Собора в 879 г. от Коридалл принимал участие епископ Евстратий[90]: его имя стоит в самом начале в списке присут-

[86] Darrouzès 1975: 44; Lilie et al. 1999–2001: № 4327.
[87] Название «Коридаллы» во всех документах Собора написано с одной лямбдой.
[88] Правда, Darrouzès 1975: 44, 51 считает, что на месте 260 в списке выступивших за почитание святых икон был Иоанн, епископ одноименного города Памфилии. Но Lilie et al. 1999–2001: № 4327, 3073, а также Hellenkemper, Hild 2004: 656 эту мысль не поддерживают.
[89] В греческом тексте почему-то появилось имя Леонтий, но в латинском переводе этой ошибки уже нет, и стоит имя Лев.
[90] Lilie et al. 1999–2001: № 21884; Hellenkemper, Hild 2004: 656.

ствующих, но в написании имени и названия города есть ошибки: Εὐστράτου Ὀριδάλων, – которые исправлены уже в латинском переводе (кроме двойной лямбды): Eustratio Corydalorum (Mansi XVIIA. 376 A).

Никакой информации о судьбе Коридалл после XII в. в нашем распоряжении нет. В это время многие города Ликии приходят в упадок, замирает торговля, рушатся остатки былого ликийского единства. Расположенные на прибрежной равнине Коридаллы становятся легкой добычей для любых неприятелей, и неудивительно, что коридаллийцы начинают покидать свой город в надежде найти новое, более безопасное место жительства. Трудно сказать, когда город опустел окончательно, но в первой половине XIX в. он предстал перед путешественниками в виде давно заброшенных руин, откуда жители окрестных турецких деревень безнаказанно забирали все, что могло пригодиться им в строительстве домов или украшении могил. С этого столетия начинается научная история Коридалл, о которой пойдет речь во второй части данной статьи.

Lament for Korydalla. Part 1.
Contemporaries about the city: people and events

Prikhodko, Elena V.
PhD (candidate of philology)
Associate professor of Department of classical languagues
Historical faculty
Moscow Lomonosov State University
Leninskie gory, d. 1, GSP-1, 119991 MSU
E-mail: aristonica@list.ru

Abstract: This article is the first part of a work about Korydalla, an ancient city on the southern coast of Lycia. The city of Korydalla was located on two small hills on the plain of Kumluca 6 km away from the sea. In this city roads leading to different parts of Lycia and neighboring regions crossed. Such geographical location contributed to the development of the city in antiquity, but it was also the cause of the complete destruction of its ruins in recent centuries. Since any excavations have never taken place in Korydalla, the author's purpose was to gather all available information about the city from other sources, such as the works of ancient writers and Christian documents, coins minted in this city and, in the first place, the inscriptions found in Korydalla and in some other cities of Lycia, among them the famous inscription of Opramoas from Rhodiapolis and Stadiasmus Patarensis. Also the author considers the inscriptions engraved on the objects of the so called Sion Treasure – the treasure of church silver of VI AD found in Korydalla in 1963. Although Hekataios of Miletus called Korydalla a city of the Rhodians, the author shows, that the city has been a genuine Lycian city and later became a legitimate member of the Lycian

League and minted silver drachmas, the first example of which was found and described two years ago.

Keywords: Lycia, Korydalla, Lycian League, ancient city, ancient Greek inscription, Opramoas, rock tombs, the Sion Treasure, Kumluca

Литература/References

Barrington Atlas 2000: *Barrington Atlas of the Greek and Roman World*. Ed. by R.J.A. Talbert. Princeton.

Bean G.E. 1976: Korydalla. In: *The Princeton Encyclopedia of Classical Sites*. Princeton. 464.

Bean G.E. 1978: *Lycian Turkey. An Archaeological Guide*. London; New York.

Behrwald R. 2000: *Der lykische Bund. Untersuchungen zu Geschichte und Verfassung.* Antiquitas. Reihe 1. Abhandlungen zur alten Geschichte. Bd. 48. Bonn.

Boyd S.A. 1992: A "Metropolitan" Treasure from a Church in the Provinces: An introduction to the Study of the Sion Treasure. In: Boyd S.A., Mango M.M. (eds.) *Ecclesiastical Silver Plate in Sixth-Century Byzantium: Papers of the Symposium held May 16–18, 1986, at the Walters Art Gallery, Baltimore, and Dumbarton Oaks, Washington, D.C., organized by Susan A. Boyd, Marlia Mundell Mango, and Gary Vikan*. Washington. 5–37.

Brandt H., Kolb F. 2005: *Lycia et Pamphylia. Eine römische Provinz im Südwesten Kleinasiens*. Mainz am Rhein.

Bryce T.V. 1986: The Lycians in Literary and Epigraphic Sources. In: Bryce T.V., Zahle J. *The Lycians. A Study of Lycian History and Civilisation to the Conquest of Alexander the Great*. Vol. I. Copenhagen.

Colvin S. 2004: Names in Hellenistic and Roman Lycia. In: *The Greco-Roman East: Politics, Culture, Society*. Cambridge. 44–84.

Çevik N. 2008: Rhodiapolis ve Kumluca Sınırlarındaki Diğer Antik Yerleşimler. In: Çevik N. (ed.) *Arkeolojisi, Tarihi, Doğası ve Tarımıyla Kumluca – Rhodiapolis*. Kumluca. 9–72.

Çevik N. 2015: *Lykia Kitabı*. İstanbul.

Darrouzès J. 1975: Listes épiscopales du concile de Nicée (787). *Revue des études byzantines* 33: 5–76.

Davies G. 1895: Greek Inscriptions from Lycia. *The Journal of Hellenic Studies* 15: 100–115.

Destephen S. 2008: *Prosopographie du Diocèse d'Asie (325–641)*. Prosopographie chrétienne du Bas-Empire. T. 3. Paris.

Fellows Ch. 1841: *An Account of Discoveries in Lycia, being a Journal kept during a second Excursion in Asia Minor. 1840*. London.

Fellows Ch. 1852: *Travels and Researches in Asia Minor, more particularly in the Province of Lycia*. London.

Hellenkemper H., Hild F. 2004: *Lykien und Pamphilien*. Tabula Imperii Byzantini. Bd. 8. Wien.

Honigmann E. 1942–1943: The Original Lists of Members of the Council of Nicaea, the Robber-Synod and the Council of Chalcedon. *Byzantion* 16.1: 20–80.

Keen A.G. 1998: *Dynastic Lycia: A Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers, c. 545–362 BC*. Leiden; Boston; Köln.

Kokkinia Ch. 2000: *Die Opramoas–Inschrift von Rhodiapolis. Euergetismus und soziale Elite in Lykien*. Antiquitas. Reihe 3. Abhandlungen zur Vor- und Frühgeschichte, zur klassischen und provinzial-Römischen Archäologie und zur Geschichte des Altertums. Bd. 40. Bonn.

Lilie R.-J. et al. 1999–2001: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867)*. Nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt von R.-J. Lilie, C. Ludwig, Th. Pratsch, I. Rochów, B. Zielke unter Mitarbeit von W. Brandes, J.R. Martindale. Berlin.

Magie D. 1950: *Roman Rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ*. Vol. I. Princeton.

Miller K. 1916: *Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana*. Stuttgart.

Ormerod H.A., Robinson E.S.G. 1914: Inscriptions from Lycia. *The Journal of Hellenic Studies* 34: 1–35.

Özgür M.E. 2012: *Muzey Antalii. Ikony i sokrovishcha Koridally. Izbrannoye* [*The Museum in Antalya. Icons and Treasures of Corydalla. A Selection*]. Ankara.

Озгюр М.Э. *Музей Анталии. Иконы и сокровища Коридаллы. Избранное*. Пер. М. Лондарь. Анкара, 2012.

Özet M.A. 2003: *Yitik miras'ın Dönüş öyküsü. Değişik yollarla yurtdışına çıkarılan, iadesi sağlanan ve halen yurtdışında bulunup iadesi çalışmaları sürdürülen kültür varlıklarımız*. Ankara.

Pace B. 1923–1924: *Ricerche nella Regione di Colia, Adania e Scalanova*. Annuario 6–7: 343–451.

Paris P., Holleaux M. 1886: Inscriptions d'Oenoanda. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 10: 216–235.

Petersen Eu. 1889: Limyra. In: *Reisen im südwestlichen Kleinasien*. Bd. II. Wien. 65–75.

Reitzenstein D. 2011: *Die lykischen Bundespriester. Repräsentation der kaiserzeitlichen Elite Lykiens*. Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. Beihefte. Neue Folge. Bd. 17. Berlin.

Ruge W. 1922: Korydalla. *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. XI. Hbd. XXII. Stuttgart. 1446–1447.

Spratt T.A.B., Forbes E. 1847: *Travels in Lycia, Milyas, and the Cibyratis, in Company with the late Rev. E.T. Daniell*. Vol. I–II. London.

Şahin S., Adak M. 2007: *Stadiasmus Patarensis. Itinera Romana Provinciae Lyciae*. Istanbul.

Ševčenko I. 1992: The Sion Treasure: The Evidence of the Inscriptions. In: Boyd S.A., Mango M.M. (eds.) *Ecclesiastical Silver Plate in Sixth-Century Byzantium: Papers of the*

Symposium held May 16–18, 1986, at the Walters Art Gallery, Baltimore, and Dumbarton Oaks, Washington, D.C., organized by Susan A. Boyd, Marlia Mundell Mango, and Gary Vikan. Washington. 39–56.

Ströhmann H. 2016: Zu den Münzstätten der Städteprägungen des Lykischen Bundes. www.academia.edu/25705525/About_the_Mints_of_the_City_Coins_of_the_Lycian_League.

Sundwall J. 1913: *Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme*. Klio. Beiträge zur alten Geschichte. XI. Leipzig.

Tritsch F.J. 1976: The Lycian bilingual in stoichedon from Korydalla. *Kadmos. Zeitschrift für vor- und frühgriechische Epigraphik* 15.2: 158–167.

Troxell H.A. 1982: *The Coinage of Lycian League*. New York.

Wörrle M. 1988: *Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien. Studien zu einer agonistischen Stiftung aus Oinoanda*. Vestigia. Beiträge zur alten Geschichte. Bd. 39. München.

Wörrle M. 2012: Die griechischen Sepulkralinschriften von Limyra. In: Borchhardt J., Pekridou-Gorecki A. *Limyra: Studien zu Kunst und Epigraphik in den Nekropolen der Antike*. Wien. 411–457.

Yazıcı E. 2012: *On the Lycian way*. English transl. H. Karaman. Istanbul.

Zgusta L. 1984: *Kleinasiatische Ortsnamen*. Beiträge zur Namensforschung. N.F. Beiheft 21. Heidelberg.

СОКРАЩЕНИЯ

АМА	Античный мир и археология. Саратов.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВЭ	Вопросы эпиграфики. М.
ДБ	Древности Боспора. М.
ЗООИД	Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИАК	Известия императорской археологической комиссии. СПб.
ACO	Acta Conciliorum Oecumenicorum. Berlin; Leipzig.
ACSS	Ancient Civilizations From Scythia to Siberia. Leiden.
Acta Carpi	Acta Carpi, Papylii et Agathonicae.
Acta Marc.	Acta Marcelli.
Acta Maxim.	Acta Maximiliani.
AE	L'Année épigraphique. Paris.
BCH	Bulletin de corréspondence hellénique. Athénes.
Bull.	Bulletin épigraphique. Révue des études grecques. Paris.
CIRB	Corpus inscriptionum Regni Bosporani = Корпус боспорских надписей. М., 1965.
EP	Epigraphica Pontica. Белоусов А.В. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2012 –.
FGrHist	Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin; Leiden.
GRBS	Greek, Roman, and Byzantine Studies. Durham.
IGDOP	Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996.
IGR	Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris.
IPE	Latyschev V.V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. I2. Petropoli, 1916.
JHS	The Journal of Hellenic Studies. London.
JRA	Journal of Roman Archaeology. Portsmouth.
LGPN	Flaser P.M., Matthews E. (eds.) A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford.
Mansi	Mansi J.D. (ed.) Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae; Venetiis; Parisiis.
Mart. Apoll.	Martyrium Apollonii.
Mart. Conon.	Martyrium Cononi.
Mart. Das.	Martyrium Dasii.
Mart. Pion.	Martyrium Pionii.

Mart. Pol.	Martyrium Polycarpi.
OGIS	Dittenberger W. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Hildesheim; Zürich; New York.
OLD	Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968–1982.
Pass. Crisp.	Passio Sanctae Crispinae.
Pass. Iuli.	Passio Iuli Veterani.
Pass. Scil.	Passio Sanctorum Scilitanorum.
Pass. Scil. Gr.	Pass. Scil. Gr. – Passio Sanctorum Scilitanorum. Versio Graeca.
RE	Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hrsg. von A.F. Pauly, G. Wissowa et al. Stuttgart.
SEG	Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden; Boston (раньше Amsterdam).
SVF	von Arnim J. (ed.) Stoicorum veterum fragmenta. Lipsiae, 1903–1905.
TAM	Tituli Asiae Minoris. Wien.
TLL	Thesaurus Linguae Latinae. Lipsiae, 1900–2010.
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.